

Татьяна БУЛАТОВА

Книги Татьяны Булатовой заставляют задуматься о тех, кто рядом.

О тех, кого мы любим и не всегда, увы, понимаем!

Мария Метлицкая

Счастливо
оставаться!

Татьяна Булатова

Счастливо оставаться! (сборник)

«Автор»

2013

Булатова Т.

Счастливо оставаться! (сборник) / Т. Булатова — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-60905-5

«Все счастливые семьи счастливы одинаково» – утверждал классик. Но бывает ли одинаковое счастье? Для героев повести «Гуси-лебеди» оно одно, для кубанской семьи из повести «Счастливо оставаться!» – другое. Так существует ли рецепт счастливой семейной жизни? Татьяна Булатова советов не дает, формулы не выводит – с неповторимым мягким юмором, в теплой лирической манере она рисует сцены быта и бытия этих семеек. И читателю ничего не остается, как раскрыть секрет домашнего благополучия.

ISBN 978-5-699-60905-5

© Булатова Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Гуси-лебеди	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Булатова

Счастливо оставаться! (сборник)

Гуси-лебеди

В селе Коромысловка, что стояло на одноименной речке глубиною по щиколотку, на улице Матросова, около леса, в доме № 5 жила-была девочка Оля. Толстая и кудрявая. С большой головой и с большим сердцем. В сердце жила любовь: к папе, маме, бабушкам, дедушкам, даже к младшему брату Вовке, а также к собакам и гусям.

– Га-га-га, – говорила Оля, просовывая ногу сквозь прутья загона.

– Га-га-га, – отвечал ей гусак Трифон и вразвалку шел к соблазнительным, оббитым по носу сандалиям.

– Га-га-га, – приглашала девочка важную птицу к диалогу.

– Га-а-а-а, – выдавливал из себя гусак, выпучивал глаза и вытягивал шею.

– Олька, – дергал птичницу за мятый подол задравшегося к самым трусам вылинявшего платья младший брат Вова. – Не боис-ся?

– Нет, – не задумываясь, отвечала девочка и вытягивала пухлую ножку как можно дальше.

Воодушевленный сестринской смелостью семилетний карапуз, найдя в плетне подходящую дырку, делал то же самое. Правда, нога его была босая и грязная.

– Гуся-гуся-гуся, – тоненько зазывал мальчик. – Иди сюда, гу-у-уся. Иди сюда, беленький.

Трифон панибратства не любил и, надув шею, шипел, грозно глядя на шевелящиеся грязные пальчики.

– Убери ногу, – строго приказывала Оля.

– Не убери.

– Ущипнет.

– Тебя же не щипает.

– Меня – это меня, – со знанием дела произносила толстая девочка, не сводя глаз с гусака. – Меня он любит.

– И меня любит, – со слезами в голосе не сдавался братишка.

– Тебя он любить не может. Потому что ты – это он!

– Я не он! – сопротивлялся Вовик.

– Он. – Сестра стояла на своем.

– Не он! – вошел в раж мальчик.

– А я говорю – он!

– Не он!

– Он!

– Не-е...

Не успел Вова выпалить свое очередное «не он», как Трифон ущипнул его за ногу, загоготал и воинственно замахал крыльями.

– А-а-а-а, – зашелся в плаче утративший бдительность спорщик, и Оля нехотя вытащила ногу вслед за пострадавшим. Посмотрев на гусака укоризненно, ткнула брата в спину, да так, что тот согнулся вдвое, и недовольно буркнула:

– Давай иди уже. Не реви.

Не тут-то было. Вовик голосил, как на пожаре, явно испытывая удовольствие от издаваемых им самим звуков.

На трубный рев навстречу детям неслась мать, на ходу вытирая руки о засаленный фартук.

- Что-о? Что случилось?
- Вовку Трифон ущипнул.
- А куда ты глядела? – возмутилась Ираида Семеновна.
- А че он ногу свою туда засовывает?
- А она че засовывает? – плача, сдал сестру Вовик.
- Куда?
- В забор, – сообщил травмированный гусаком родственник.
- Ты че, Оль, опять к гусям лазила?
- Я не лазила, – честно призналась нерадивая дочь.
- Ла-а-а-зила, – стучал дальше Вова.
- Че врешь-то? – возмутилась Оля и замахнулась на брата.
- Э-э-эй, ты, давай руки-то не распускай! – прикрикнула на дочь Ираида Семеновна.
- А че он врет-то?
- Это еще надо выяснить, кто из вас врет.
- Олька врет.

Мать укоризненно посмотрела на дочь, собираясь сказать привычное «Нехорошо, доча», но не успела, потому что вспомнила об оставленных на плите оладьях.

Незатейливое кушанье к детской трапезе издавало тоскливое урчание среди пузырящегося масла и дымный запах, почуяв который Ираида Семеновна огорченно воскликнула:

- Господи, сгорели!
- Всплеснула руками и запричитала:
- Сгоре-е-ели, сгоре-е-ели...

Потянула носом, расвирепела и, повернувшись на 180 градусов, решительно направилась к дому, приговаривая:

- Господи, ну что за дети! Ну не дети, а уроды какие-то!
- Олька – урод, Олька – урод, – радостно подхватил Вовка и запрыгал на одной ножке.
- Это кто урод? – возмутилась Оля. – Я урод?
- Ты, ты, – с готовностью подтвердил мальчик, продолжая ритуальный танец победителя.

Старшая сестра явно уродом быть не хотела, хотя всегда это про себя подозревала. Виной всему была эта проклятая родинка, спрятавшаяся в правой ноздре, отчего правое крыло носа было сине-малинового цвета. Многочисленные родственники за изъян это считать отказывались, гордо ссылаясь на Ольгиного деда с такой же отметиной на носу. Зиновию Петровичу роковое пятно жить не мешало. За всю свою долгую жизнь он привык к изумленным взорам сельских ребятишек, к тому, что сердобольные мамы пугали им непослушных своих чад, шипя на ухо: «Вот отдам тебя Зяме Меченому...» На прозвище свое Ольгин дед давно не обижался, чего нельзя было сказать о его строптивой внучке, вздрагивающей от слов: «Вон Ольга Меченая пошла».

Вот и сейчас Вовкины слова взбаламутили ее и так беспокойную душу. Поэтому старшая сестра «на похвалу» нисколько не поскупилась:

– Придурок. Придурок, трус, кошей, слабак, свинья, – тараторила Оля, выговаривая все слова четко и достаточно тихо, чтобы мать не услышала.

Вовик, оглушенный вероломством сестры, перешел к решительным действиям. Увидев лежащий на земле камушек подходящего размера, он разбежался и, подобно заядлому футболисту, зарядил его в сестру.

Вот как нога взяла, так камушек и полетел. И влетел, надо сказать, в нужное место – в сестринский подбородок. Теперь пришла Олина очередь изумляться. Сокрушенная предательским ударом, корчась от боли, девочка схватилась за подбородок, и рука попала во что-то

липкое. Оля поднесла руку к глазам, увидела кровь и впала в бешенство. Нет, она не плакала и не кричала. Ноздри ее раздувались, в глазах метались какие-то сполохи, а в груди клокотало и булькало.

Вовка замер в нерешительности: то ли бежать прочь, а прочь – это под материнское крыло, то ли падать на землю и изображать раскаяние, или еще лучше – полное беспамятство. Но прежде, чем пришло к нему решение, наступила страшная расплата.

Ольга подошла к брату и врезала ему промеж ног. Удар относился к числу запрещенных приемов, но в данной ситуации правил не существовало. Вовик заорал от боли, повалился на землю и с истошными воплями начал по ней кататься. Не остановившись на достигнутом, она пнула брата в бок, отчего тот заорал еще громче.

На крик наконец-то отреагировала Ираида Семеновна, разгонявшая в этот момент дым в кухне. Материнским глазам предстала ужасающая картина кровной мести. Причем дочь она видела со спины, а сына – во всей красе. Вовик, догадывающийся о том, что прошло достаточно времени, чтобы мать увидела кровавую расправу старшей над младшим, виртуозно доигрывал свою роль почти невинно убиенного.

– Ма-а-ма, – выл он. – Mamочка, спаси меня!

И мамочка, бросив на плите очередную порцию оладьев, торпедой вылетела из кухни, дабы прекратить кровопролитие.

– Бегу, сыночка! – кричала она на ходу. – Бегу-у-у!

Оля обернулась на материнский крик и тут же получила затрепину такой силы, что русые кудри на ее голове подскочили от неожиданности.

Через мгновение, увидев кровь на лице дочери, Ираида Семеновна всплеснула руками и начала иступленно целовать раскрасневшееся личико.

– Доча, что с тобой? Кто это тебя, доча?

Ольга молчала.

Поняв, что вразумительного ответа от детей она не добьется, огорченная Ираида помогла сыну подняться и через секунду обратилась в самую высшую инстанцию из числа ей известных:

– Господи, Господи, ну почему у всех дети как дети?! А у меня? А у меня кто? Кто, Господи, у меня? Это дети? Нет, это не дети! Это звери! Волки это. Сволочи, а не дети. Ну за что это мне?! Ну за что?!

Ираида Семеновна, схватившись за голову, раскачивалась посреди двора. «Сволочи» выжидающе смотрели на мать, внимательно наблюдая за ее диалогом со Всевышним.

– Господи, и это дети? – продолжала Ираида.

Господь молчал. Во дворе было тихо.

– Господи, – запричитала она в очередной раз. – Как бы до старости дожить? Как дожить мне до старости с этими детьми? Ну разве доживешь с ними до старости? Ну, скажи мне, Господи, разве доживешь? Умру-у-у. Умру, ведь воды никто не подаст, – сделала Ираида Семеновна неожиданный вывод.

– Я подам, – с готовностью пообещал Вовик.

– Я... тте... подам! – очнулась Ираида. – Я счас тте подам, подавальщик! А ну марш в баню, кому сказала. И ты давай топай, – обратилась она к дочери. – Ишь, стоит, глаза вытаращила.

Ираида Семеновна потемнела лицом и, изогнувшись, схватилась за тапку:

– Они подадут! Они подадут, эти звери.

Ольга не стала дожидаться оглаживания тапкой и потрусилась по дорожке к месту наказания. За свои неполные девять лет она хорошо изучила материнское свойство загораться как спичка и искрить, искрить, саму себя подзадоривая, растравливая и доводя до состояния полной невменяемости. Находясь в нем, Ираида Семеновна становилась скорой на расправу и в выражениях не стеснялась. Оля, выучившая их наизусть, пыталась избежать многократного

повторения про то, какая она неблагодарная дочь, неряха, неслух, сопля зеленая, пацанка и гадина, и потому рванула к бане бегом.

– А ты чего стоишь? Ты чего стоишь, оболтус? Каин ты несчастный, прости Господи, чиганаш неумный! – неистовствовала Ираида.

Вовик жил на свете меньше всех остальных, про Каина ничего не знал, ни о каком чиганаше не слышал, поэтому угрюмо переспросил:

– Почему это я камень?

– Какой еще камень? – оторопела мать.

– Не знаю я, какой камень, – гнул свою линию Вовка.

– Я вот тебе сейчас дам камень! Я тебе сейчас такой камень дам. Такой дам!

Вместо камня в сына полетела тапка. Вовик увернулся и поспешил по знакомому маршруту.

– И чтоб я вас не видела! До самого вечера не видела. До утра! До...

Растрепанная Ираида удовлетворенно созерцала хлопнувшую в бане дверь и по инерции продолжала ворчать:

– И поделом! И поделом обоим. Вот только пусть попробуют у меня выйти.

Вовка высунулся в маленькое банное оконце и с почтением спросил сбавлявшую обороты мать:

– А в туалет?

– Никакой тебе туалет теперь, – злобно буркнула Ираида Семеновна. – Терпи.

О том же мальчика предупредила и старшая сестра, предусмотрительно дернувшая брата за ноги, отчего лохматая голова мальчика исчезла в оконце, а из бани послышался жестяной звон рухнувших шаяк.

– Ты чего шумишь, Ираида? – донеслось до раскрасневшейся женщины.

Та обернулась на голос: в калитку входили муж и статная свекровь.

– Ой, Степа, – ласково пропела Ираида Семеновна, и лицо ее засветилось. – Здравствуйте, мама.

– Чего шумишь? – игриво переспросил муж, с удовольствием оглядывая пока еще молодое лицо Ираиды.

– Чего шумишь? Чего шумишь? – не менее игриво, а потому и крикливо-радостно затопилась с ответом жена, старательно поправляя выбившиеся из пучка пряди. – Того и шумлю, что надо. Довели, бестолочи.

– Что-то у тебя Ираида на дворе горелым пахнет, – отметила свекровь. – Пожар тут у вас, что ли?

– Да нет, какой пожар! – весело произнесла невестка. – Оладьи опять спалила, пока тут с детьми разбиралась.

– Разобралась? – поинтересовалась Полина Михайловна.

– Я-то разобралась.

– А дети где? – Бабушке не терпелось увидеть внуков.

– В бане сидят. Наказанные.

Степан наконец-то подошел к жене и по-хозяйски притянул к себе. Ираида заалела. В смущении мужнины руки разомкнула и, любовно глядя в его загорелое лицо, спросила:

– Ты на обед, Степ? Или совсем?

– Совсем на обед я, Ирка.

– Так нет, Степ, обеда. Не ждала я тебя так рано.

– Готовь, супружница. Я не тороплюсь, – заверил Степан и направился к врытому посреди огорода небольшому деревянному столбу с алюминиевым рукомошкой.

Местоположение этого столба в семье Звягиных стало притчей во языцех. Врытый много лет назад во время строительства нового дома, он явно утратил свою актуальность. Степан

неоднократно пытался «вырыть его на хрен», но Ираида упиралась и процессу препятствовала с необыкновенным остервенением.

– Тебе он мешает? – сварливо насканивала она на мужа.

– Так ведь, Ир, посреди двора – ни то ни се, – оправдывался застигнутый на месте преступления с лопатой в руках Степан Зиновьевич.

– Тебе – ни то ни се, – насканивала Ираида, – а мне – то-се. Столько лет стоял! И пусть стоит себе, вдруг понадобится.

Нужды особой в нем не было, Степан Ираидиной привязанности к этому столбу не понимал, но трижды в гневе бросал лопату, так и не сумев добиться от жены разрешения на ликвидацию.

Отгадка на самом деле была проста и крылась в Ираидиной склонности к мистицизму. Она истово верила, что, умывшись из погнутого алюминиевого рукомойника, обретает истину. Поэтому всякий раз в поисках решения бежала к столбу и звякала рукомойником, пытаясь добыть драгоценную влагу. И сердилась всякий раз, если ее там не было. Шла к колодцу, набирала полведра, выливала его в алюминиевый сосуд, а порой и добавляла в него пару капель святой крещенской воды. Потом процесс возобновлялся: Ираида плескалась, подставляла лицо солнцу и какое-то время молча стояла, зажмурив глаза. Никто ее этому не учил, обычая такого в Коромысловке сроду не водилось, но в правильность своих действий Ираида свято верила.

– Я, пока Степа дом строил, оказывается, Ольгой беременная ходила, – объясняла она своей подруге громким шепотом. – А не знала. А тут как поведет меня, поведет. В глазах все поплыло, головушка закружилась, думала все. Умираю. А умылась и чую, нет, не все. Совсем не все. И поняла я, Тань, что беременна. И легко мне так, Тань, стало. А потом как затошнит, сюда к столбу своему бегу. Умоюсь, и хорошо так.

Узнать про свою вторую беременность, уже Вовкой, Ираида снова бегала к столбу. Туда же приводила ее и свирепая бабья ревность, когда сорока на хвосте приносила, что Степа Звягин приударяет за очередной машинисткой в колхозной конторе. Теперь уже и колхозов не было, и местной МТС не стало, и Степан Зиновьевич Звягин давно переквалифицировался в работника местной телефонной станции, а Ираида все равно время от времени к столбу прибегала.

Умоется, глаза закроет и читает про себя Богородицу, а потом приговаривает: «Матушка, Заступница, Пресвятая Богородица, беду отведи, соперницу со двора моего проводи. Сохрани семью мою, Матерь Божья. Отныне. Навеки. И во веки веков. Аминь». Молитву эту Ираида Семеновна придумала сама, а потом даже впрок, для дочери, для Ольги, на тетрадном листке записала и положила в шкатулку с документами. В чудодейственную силу этой молитвы Ираида верила истово во многом и потому, что любимый Степа вот уж лет двадцать со двора – ни ногой. Разве только к мужикам. Но бедное сердце все равно ныло и беду чувало, но у заповедного столба почему-то успокаивалось и после омовения начинало биться ровно, а так все больше прыгало.

Вот и сейчас, глядя вслед направившемуся к рукомойнику мужу, Ираида с трудом сдерживала сердцебиение и на всякий случай зажмуривала глаза, чтобы счастье свое не спугнуть. Сквозь сомкнутые веки мужнина спина распадалась на множество разноцветных лучиков, а рукомойник на солнце блестел серебряной каплей.

– Ираида! Ираида! Ты слышишь меня?

– А? – встрепелась женщина от голоса свекрови.

– Ты слышишь меня или нет? – начала раздражаться Полина Михайловна.

– Да слышу, конечно, слышу, – заторопилась с ответом зачарованная Ираида. – Чего ж мне, мама, вас не слышать?

– Ну тебя, Ира, право слово. Ты как провалилась куда-то. К детям-топустишь?

– Не пусти, мама, не сердитесь, – посуровела лицом Ираида.

– А что случилось-то?

– Вовку Трифон ущипнул – Ольга недоглядела, а все потому, что сама к гусям в загон лазила.

– Эка беда, подумаешь, – протянула свекровь. – Ну ущипнул и ущипнул.

– Да ладно бы, мама, ущипнул. Вовка Ольге лицо камнем раскрасовил, она его испинала.

Вот ведь по земле валялся.

– Так уж и испинала? – лукаво протянула Полина Михайловна.

– Так и испинала.

– Значит, не зря наказаны?

– Ой, мама, не зря, – отвечала Ираида, а сама так и косилась в мужнюю сторону.

– Поговорить хоть можно?

– Да говорите, сколько хотите, только из бани не выпущу.

Свекровь настаивать не стала, а со всей своей статью двинулась по дорожке к бане, укрывая от солнца лицо козырьком ладони. Что-что, а за красотой своей Полина Михайловна следила. Ни в огороде, ни в поле лица не открывала, только глаза поблескивали сквозь тонкую щелочку белого платка. Руки мазала кремом, отчего от них пахло тонко и вкусно. Во всяком случае, первоклашкам так казалось, когда Полина Михайловна вкладывала им ручку в руки и складывала пальчики щепотью.

В одежде Ираидина свекровь вкус демонстрировала отменный, предпочитая для работы строгие костюмы и белые блузы, и в доме своем никаких халатов не признавала, чему невестка ее поначалу немало изумлялась. Но равнение на Полину Михайловну держала и даже обзавелась своей портнихой, которой и заказала сразу не менее трех платьев для повседневной, то есть в доме, носки. Кстати, подражание скоро превратилось в естественный образ жизни, и даже Ольгу Ираида Семеновна обряжала во фланелевый халат исключительно после бани, и то не всякий раз, предпочитая использовать спортивный костюм с начесом, оставшийся в семье Звягиных еще со времен Степанова детства.

Вот и сейчас несла себя Полина Михайловна к бане неспешно, бессуетно, держа свою чуть тронутую сединой голову гордо, а спину ровно.

Ольга, увидев бабушку, высунулась ровно наполовину из банного оконца и начала размахивать руками. Сзади напирал Вовка, пытаясь вытеснить сестру с наблюдательного пункта, но безуспешно, ибо Ольга брыкалась, как молодая лошадь, и Вовик увертывался так же ловко, как и при игре в вышибалы.

– Олька, – тянул он сестру за мятый подол. – Олька, ну пусти меня.

Сестра не реагировала.

– Пу-сти-и, – сопел тот и пер грудью на шевелящуюся баррикаду.

– Бабуля, – засветилась внучка от радости. – Бабулечка, выпусти меня.

– Не могу, Олюшка, – вздохнула Полина Михайловна. – Мама не велела.

– Бабулечка, я к гусям не лазила, а Вовка первый начал. Он в меня камнем кинул. Видишь? – Оля ткнула пальцем в раздувшийся и такой же сине-малиновый, как и пятно на носу, подбородок.

– Вижу. Но ведь ты тоже, Олюшка, хороша, – печально возразила Полина Михайловна.

– Да, баба, – взвизгнул Вовка. – Она меня ногами пинала. И опять пинает. И к окну не пускает.

– Пусти его, Оля.

Девочка нехотя посторонилась, и в окно воткнулась белая кудрявая голова.

– Баба! – предвкушая освобождение, завопил Вовка. – Баба! Открой меня. Я в туалет хочу.

– Врет он, – буркнула где-то там, в глубине Ольга. – Он только что в таз написал.

– Я опять хочу, – вошел в раж Вовик. – Пустите меня!

Полина Михайловна строго посмотрела на внука:

– Ты чего бузишь?

– Я не бузю, я в туалет.

– Про туалет я уже слышала, – строгим учительским тоном изрекла Ираидина свекровь. – Теперь про тебя хочу услышать.

Для Вовы Звягина учительский авторитет бабки никакой ценности не представлял, поэтому он, не теряя надежды, предпринял еще одну попытку:

– Баба, маму позови.

– Зачем?

– Ну позови маму. У меня живот болит.

– Ничего у тебя не болит, – как отрезала Полина Михайловна. – А будешь кричать, вообще повернись и уйду.

– Не уходи, баба, – сдался Вовик. – Не буду кричать.

Переломившая ситуацию Полина Михайловна присела на врытую под банным окошком маленькую скамеечку и спросила:

– Сам расскажешь? Или Трифона позвать?

Такого поворота юный дебошир не ожидал.

– А Трифона, баба, зачем? – изумлению Вовки не было предела.

– Как зачем? Ты не рассказываешь, значит, Трифон мне расскажет.

– Он же гусь, баба, – не поверил Вовка.

– Ну и что, что гусь. Мне что гусь, что петух – разницы никакой. Все равно понимаю.

И сестру вот твою понимать научила.

– Да-а-а? – задохнулся Вовик от зависти.

– Да. Поэтому Трифон ее и не щиплет никогда.

– Меня, баба, научи, – смиренно попросил внук.

– Тебя? – переспросила Полина Михайловна. – Тебя, Вова, не могу, потому что ты обманщик и разбойник. А обманщиков и разбойников гуси не любят, особенно тех, которые в людей камнями кидают. Вот скажи мне, Вова, почему тебя Трифон ущипнул?

– Он ногу в забор сувал, – подсказала Оля ответ брату.

– Я ногу сувал.

– А зачем ты, Вова, ногу к гусям совал?

Мальчик молчал, впрочем, ответы его бабушку особенно и не интересовали.

– А что ты, Вова, пока ногу совал, Трифону говорил?

Внук наморщил лобик, пытаясь вспомнить, и неуверенно выдавил:

– «Гуся-гуся» его звал.

– А знаешь ли ты, Вова, что нельзя Трифону говорить «гуся-гуся»?

– Почему? – еле слышно промолвил мальчик.

– А потому, Вова, – Полина Михайловна начала говорить с использованием восходящей интонации, – что Трифон не простой гусь.

– А какой? – Вовик зачарованно смотрел на бабушку.

– И не гусь это, Вова, вовсе. Не гусь, а заколдованный принц.

Глаза мальчика округлились. Полина Михайловна продолжала:

– И заколдовала его злая ведьма. И сказала ему: «Быть тебе гусиным королем, пока не полюбит тебя простая девушка».

– Оля, что ли? – задохнулся от неожиданности Вовик.

– Может, Ольга. А может, и не Ольга. Только, Вова, кого ущипнет гусиный король, тот превратится в серого гуся. Ну, если повезет, может быть, в белого.

– Бабонька, – с тоской заскулил мальчик. – Не хочу я в гуся, ни в серого, ни в белого.

– А что делать? – грустно спросила Полина Михайловна и помолчала минуту. – Впрочем, есть, Вова, одно средство.

– Какое, баба? – воскликнул мальчик.

– Простое, Вова, средство. – Дальше Полина Михайловна продолжала вещать замогильным голосом. – Если до заката солнца успеешь исправить свой обман, может быть... – Учительница начальных классов грустно посмотрела на обалдевшего от ужаса внука. – Может быть, и не превратишься в гусака. Главное, вовремя успеть.

– Олька не лазила к гусям, – выпалил Вова и посмотрел бабушке в лукавые глаза. – Я ногу сунул сам. Камень бросил... я.

Полина Михайловна еле сдерживала улыбку.

– Вот так вот, Вова. Жди теперь, когда солнце сядет.

Вовик трубно заревел, зашмыгал носом, отчего у Оли у самой защипало в носу, и ей безумно стало жаль своего младшего брата. Она даже погладила его по белобрысой голове и, как сумела, подбодрила:

– Не реви, Вовка. Может, и не станешь ты гусем.

– А вдруг стану?

– А хочешь, узнаем? – поспешила на выручку Полина Михайловна.

– А как? – горевал Вова.

– А вот схожу сейчас к Трифону и узнаю, – предложила бабушка, остро почувствовавшая необходимость охладить не на шутку разыгравшееся воображение своего внука.

– Иди, баба, – взмолился Вовка. – Иди скорее.

Полина Михайловна медленно поднялась со скамейки и чинно направилась в сторону загона для гусей. Вовик следил за бабушкой глазами, не забывая всякий раз отмечать про себя, что пока еще день и солнце не село.

Полина Михайловна немного постояла у загона, наблюдая за передвижениями ни о чем не подозревающего Трифона. Гусак выгнул шею и по-хозяйски направился к забору. Прямой взгляд статной женщины ему не понравился, и Трифон взмахнул крыльями, сопровождая угрожающий жест агрессивным шипением. Полина Михайловна ничуть не стусевалась, вошла в загон и остановилась. Трифон, словно раздулся, призывно загоготал и, покачиваясь, продолжил движение вперед. Посетительница не растерялась, резко выбросила вперед руку, расставив пальцы рогаткой прямо напротив красных глаз гусака, и громко шикнула: «Ш-ш-ш». Трифон отступил. Полина Михайловна, не отводя от гусака глаз, попятилась, толкнула калитку и только потом повернулась к Трифону спиной.

Дети, не отрываясь, наблюдали за бабкиной вылазкой, отчего Ольга хихикнула, а Вовка преисполнился немислимой гордости. Нетерпение клокотало в нем.

– Ну, давай, – просительно приговаривал он. – Ну, давай, баба, иди скорее уже.

Полина Михайловна словно почувствовала настроение внука и интуитивно прибавила шаг.

Вовка не выдержал и заорал:

– Ну что? Баба! Что Трифон сказал?

Полина Михайловна приложила палец к губам. Вовик заерзал, но кричать больше не стал, дожидаясь того момента, когда бабушка предстанет прямо перед ним.

– Ну что, Вова?

Мальчик побледнел.

– Быть тебе человеком. Но чтоб это было в последний раз. Так передал Трифон.

– А мне Трифон ничего не передавал, бабулечка? – полушутя-полусерьезно поинтересовалась Оля.

– Передавал, Олюшка, передавал, что любит тебя и ждет, но тоже просил не драться, а то ему тоскливо будет.

Ольга зарделась, а Вова посмотрел на сестру с нескрываемым уважением.

Полина Михайловна, довольная произведенным эффектом, долго задерживаться не стала. Поцеловала внучку в многострадальный нос, Вовика добродушно чмокнула в щеку, пригласила на воскресный обед по поводу «без повода» и выдвинулась в сторону дома. Оттуда доносился переливчатый смех Ираиды и, если прислушаться, не менее веселое кухонное звяканье.

Свекровь вошла в дом, но дальше прихожей проходить не стала, увидев в открытую кухонную дверь, как Степан жадно пытается обнять накрывающую на стол Ираиду.

«Господи, – подумала Полина Михайловна, – зачем им дети? Они сами как дети: все не наиграются!»

– Ира. Ира!

Невестка выглянула из кухни с выражением досады на раскрасневшемся лице.

– Вы чего стоите там, мама? Проходите, обедать сейчас будем, – по-родственному командовала Ираида.

– Нет, Ира. И не проси: проходить не буду, домой пора. А ты детей-то отпусти, Ира. Ни к чему им в бане-то до ночи сидеть.

– Хозяин – барин, – не удержалась Ираида Семеновна, чтобы не съязвить.

– Не барин, Ира, а ба-ры-ня, – не осталась в долгу свекровь, но, поймав пристальный взгляд сына, стушевалась, поняв, что тому ее ответ не по нраву. – Дело твое, Ира, не обижайся, а только держать детей взаперти непедагогично.

– Ну-у-у, – протянула невестка. – Мы педагогических институтов не кончали...

Степан, почувствовав, что диалог двух горячо любимых им женщин заходит в тупик, решил разрядить атмосферу и примиряющим тоном добавил:

– А не мешало бы...

Сказал и пожалел, потому, видимо, огорчился. Благодарная Полина Михайловна, пытаясь смягчить возникшее напряжение, мигом бросилась на сторону Ираиды и глубокомысленно изрекла:

– Не в институтах, Степа, дело...

И тут же осеклась, ибо фраза ее была также не к месту, как и реплика сына, минутой раньше.

– Где уж нам! – демонстративно воскликнула Ираида и удалилась в кухню.

Степан вышел проводить мать, потупив глаза. Полина Михайловна тоже говорила куда-то в сторону. Условившись о встрече в воскресенье – «как всегда, на обед», – мать с сыном разошлись.

В дом Степан входил как побитая собака.

– Проводил? – грозно спросила Ираида.

Муж торопливо кивнул.

– Тогда садись, обедай.

Села напротив мужа, привычно подперев подбородок ладонью, правда, при этом смотрела нарочито сквозь предателя.

Степан огорченно хмыкнул – промашка, мол, вышла – и осторожно поднес ложку ко рту.

Ираида презрительно спросила:

– А чего ж ты, Степа, на мне-то женился? На необразованной и темной? Может, не надо было?

Ираида входила в раж, с каждой секундой набирая обороты. Именно этого Степан и не любил, поэтому терпеть не стал и для начала исподлобья взглянул на супругу. Та в запале Степаново выражение лица не разглядела и продолжала с еще большим энтузиазмом:

– Конечно, не ровня я тебе. Не ров-ня! Правду люди мне говорили – не хотела меня твоя мать. Не хо-те-ла! Понятно теперь, почему ты аж до свадьбы к Зинке Куприяновой захаживал.

В городе училась! Училась она в городе! Что ж ее городские-то замуж не позвали? А может, мама твоя ее уговорила вернуться? А то, мол, женится наш Степа, женится, и глазом не успеет моргнуть!

Степан, не сводя глаз с Ираиды, медленно положил на стол ложку, да так аккуратно, что та даже не звякнула. И только было открыл рот, как Ираида Семеновна, уловив во взгляде супруга угрозу, мелко-мелко зачастила:

– Ты чего, Степ? Невкусно, да? Невкусно? Так давай я вылью! Вылью я эти щи, раз невкусно. Картошку ешь. Не хочешь картошку? – Ираида как заведенная продолжала не подерживаемый Степаном разговор. – Ну, не хочешь картошку, скажи тогда, что ты хочешь?

Жена метнулась к холодильнику, распахнула его и опять затараторила:

– Яйца, может? Не хочешь яйца? Тогда давай – рыба тут вот есть, вчера жарила, отец приносил. Что? И рыбу не хочешь? Чего ж ты тогда хочешь, Степа? – огорченно наконец обратилась она к мужу.

– Сядь, Ирка. Не мельтеши.

– Я и не мельтешу, Степ. Я как лучше хотела.

– Вот и не мельтеши, Ир. Дай по-человечески мне поесть.

– Да ешь на здоровье, – с облегчением откинулась на стуле Ираида.

Степан завороченно смотрел на тарелку, жена – на мужа. Над столом зависла тишина. На Ираиду снизошло счастье. Подперев ладонью подбородок, она пристально смотрела на мужа, на его большую неправильной формы голову, на наметившиеся залысины, местами распрямившиеся кудри и боялась дышать. Глазам ее стало горячо, и женщина громко выдохнула. Степан поднял голову, всем своим крупным телом почувствовал торжественность момента и заботливо спросил:

– Ты чего, Ир?

Ираида не проронила ни слова и взгляда не отвела, просто затрясла головой, изображая согласие.

– Ир, ну ты, правда, чего? – с тревогой переспросил Степан.

– Ну чего я, Степ? Ничего я, – с готовностью подалась вперед Ираида, а губы тем не менее предательски задрожали.

– Нет, я же вижу – глаза на мокром месте!

– Да у баб всегда глаза на мокром месте, – весело, правда, сквозь слезы откликнулась хозяйка.

– Мне до других баб дела нет, – отрезал Степан. – Я тебя спрашиваю: почему у тебя глаза на мокром месте? – уже сердито переспросил муж.

– Обидно, – соврала Ираида. Как-то язык не повернулся сказать, что счастлива.

– Не обижайся, Иришка, – пошел на мировую Степан.

– Не буду, – согласилась Ираида и нацепила на лицо озабоченное выражение. – Тебе чаю или кваса?

– Мне... – промычал супруг. – Мне, Ирка, ничего. Мне – на работу. Пора уже...

– Не убежит твоя работа, – строптиво произнесла Ираида.

– Моя не убежит. Я побегу. Побегу я, Ир.

– Успеешь. Про баню не забыл?

– Я-то не забыл, – Степан лукаво посмотрел на жену. – Топить сам буду.

– Не то я?! – по-доброму ворчливо возмутилась Ираида. – Кому надо, тот и топит.

– А тебе, что ли, не надо? – в ухо жене жарко прошептал Степан.

Ираида зарделась, но шагу не отступила, продолжая начатую игру:

– А то надо?!

– Посмотрим, Ирка, – уже на ходу бросил муж, не упустив случая огладить ее наливное тело.

– Посмотрим, – выдохнула Ираида. – Иди уже! Тоже мне, зритель нашелся!

Последние слова воткнулись в Степанову спину и зависли в воздухе. Впрочем, для продолжения разговора присутствия мужа уже и не требовалось. Ираида убирала со стола, любовно ворча под нос:

– Посмотрит он... Кто на кого еще посмотрит... Зритель... Посмотрит...

Руки привычно делали свое дело. Улыбка блуждала по лицу. Женщину томило желание.

Детей Ираида выпустила задолго до наступления вечера. Отомкнула дверь, встала в проеме, привычно воткнув руку в бок. Ни Ольга, ни Вовик навстречу не подались. Ираида подождала еще секунду и спросила:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

В ответ зазвенела тишина.

– Нет, ну тут есть кто-нибудь, или я сама с собой разговариваю? Ольга, – позвала дочь Ираида, – ты заснула, что ли?

Не услышав ответа и на этот раз, мать шагнула в банный полумрак. Из маленького окошечка струился свет. В нем плавали частицы пыли, напоминая разреженную взвесь. Поток света врезался в стоящую под окном лавку, на которой, свернувшись калачиком, посапывал Вовка. Острым углом торчали его разбитые коленки, белые кудри свешивались прямо на личико с открытым ртом, из уголка которого тянулась тонкая слюнка безмятежного детского сна.

«Прям ангел», – подумала Ираида, и глаза ее увлажнились.

Второй ангел приземлился на гряде грязного белья, поджав под себя ножки, обутые в стоптанные сандалики. Сквозь разметавшиеся волосы виднелись две синие отметины на многотрадном носу и подбородке.

Вид дочери матери не понравился, поэтому побудку наказанных она начала именно с нее.

– Доча, – тихо позвала Ираида, – дочь, вставай. Ты чего ж, дочь, на грязном-то белье улеглась? Места, что ли, другого не нашла?

Оля тихонечко застонала и перевернулась на другой бок.

Ираиду Семеновну дочерний ответ не удовлетворил:

– Ольга, – сказала она чуть громче, – ты меня слышишь? Вставай давай.

Девочка слышала материнский голос, но просыпаться не торопилась. Ираида наклонилась к дочери и откинула с ее лица волосы. Оля зашевелилась, приоткрыла один глаз и вполголоса пожаловалась:

– Ма-а-ам, больно...

– Где, дочь, больно? – засуетилась женщина.

– Здесь... – Девочка показала на подбородок, по которому от банной духоты разлилась синева, отчего в лице появилась явная асимметрия.

– Эх тебя разнесло... – посетовала Ираида.

Ольгу материнские слова напугали, она заплакала.

– Чего ревешь? – запричитала Ираида Семеновна.

– Бо-о-ольно, – скулила девочка.

– А кто виноват? Кто виноват, я тебя спрашиваю?

Мать наскокивала на дочь с бесполезными вопросами не случайно: ей было страшно. Поэтому чтобы скрыть собственное замешательство, женщина перешла в наступление, но уже на сына.

– Эй, Вовка, вставай!

– Я и не сплю, – буркнул малолетний разбойник, понимая, что мать не ограничится заключением в бане.

– Сестру чуть не убил! Не спит он!

Вовка предусмотрительно молчал. История с Трифоном, придуманная бабушкой, лишила его малейшей способности к сопротивлению. Он сел на лавке, поджав ноги, и низко опустил голову. Ираида позу смирения расценила за нежелание признать вину и рассвирепела:

– Ты чего голову-то опустил? Чего не смотришь? Смотри давай, чего натворил.

Вовка поднял голову и посмотрел на сестру. Из припухших со сна глазенок катились слезы. Ольга от увиденного заскулила еще сильнее. Правда, уже не одна, а в унисон с братом.

Ираида растерялась и уже готова была заплакать вместе с детьми, но, как ей казалось, вовремя взяла себя в руки:

– Господи, ну что это за дети? То убивают друг друга до полусмерти, то режут от жалости! И вместе не могут, и взрозь не живут! Ну почему, Господи, у меня все не как у людей?!

Дети, услышав знакомый текст, звучавший сегодня неоднократно, на секунду приостановили слаженный вой. Мать, воспользовавшись паузой, привычно воткнула руки в бока и, набрав воздуха, заголосила:

– Во-о-он с глаз моих! Чтоб глаза мои на вас не глядели, обормоты несчастные! До вечера чтоб мне на глаза не попадались, а то я за себя не ручаюсь! – вошла в раж Ираида.

Дважды повторять не было необходимости – через секунду в бане никого не осталось. До прихода Степана жилое пространство Звягиных накрыла тишина.

Пока муж топил баню, Ираида любовно готовила чистое белье и перестилала постели. Пару раз она подходила к зеркалу и пристально в него смотрела. В зеркале виднелось потное покрасневшее женское лицо, озабоченное и сосредоточенное. Ираида Семеновна словно не замечала залегших в уголках глаз морщин, резко обозначившихся носогубных складок. Нравилась себе Ираида, и все тут. Правда, одной переживать собственную красоту было тяжело. Просто невыносимо. Пришлось позвать дочь.

Ольга поднялась на второй этаж без особого энтузиазма, предполагая, что получит очередное задание. Не обнаружив мать в детской, она повернулась в сторону родительской спальни – сквозь приоткрытую дверь угадывалось какое-то движение.

– Господи ты, боже мой, – взмолилась девочка. – Ну что ей еще от меня надо? Ведь только выпустила.

– О-о-олька, – заорал снизу Вовик. – Ну, где ты там? Идти-и-и надо!

– Щца-ас, – шикнула Ольга вниз и приоткрыла дверь. – Ма-а-ам?

– Доча! – обрадовалась Ираида прибывшей группе поддержки, но главный свой вопрос не задала.

– Звала? – уточнила девочка, экономя драгоценное время, отпущенное до бани.

– Отец там чего? Баню топит? – немного в сторону поинтересовалась мать.

О том, что баня топится, можно было догадаться и так. Сквозь распахнутые окна сюда, на второй этаж, долетал соблазнительный запах дыма. Ольга с недоумением посмотрела на мать:

– Топит.

– А Вовку ты, Оль, накормила?

– А чего его кормить-то? Он же не ест ничего! – искренне изумилась девочка.

– А гусей? Гусей смотрела?

– Ма-а-ам! Ты чего? Ты ж сама сказала к загону не подходить.

– Ой, и ты послушалась?!

– Я ж в бане сидела, – уклончиво ответила Оля.

Ираида на секунду замолчала, собралась с силами и задала свой главный вопрос:

– И как я?

– Чего? – не поняла девочка.

– Ничего. Как я выгляжу, доча?

Ольга поперхнулась от обрушившегося на нее доверия и внимательно посмотрела на мать. Та, опустив руки, смиренно ждала приговора. Девочка смерила Ираиду строгим взглядом и почему-то басом ответила:

– Краси-ивая.

– Правда? – заулыбалась женщина.

– Ма-ам, ты чего?

Ираида весело рассмеялась:

– Чего-чего? Ничего! Хо-ро-шо просто!

Ольга недоуменно смотрела на мать, не понимая, что происходит. Но на всякий случай как-то криво улыбалась. Ираида схватила дочь за руку и с силой потянула к себе. Девочка не сопротивлялась.

– Встань сюда! – скомандовала женщина и развернула дочь лицом к зеркалу. – Смотри!

Ольга вытаращила глаза что есть силы, отчего ее изображение в зеркале приобрело испуганный вид. За спиной лукаво шурилась мать. Больше в зеркале ничего не было.

– Ну как? – шепнула Ираида. – Похожи?

Детский взгляд наткнулся на уродливое пятно, навечно поселившееся на носу, и посуровел:

– Не похожи, – дернула плечом Ольга и вывернулась из материнских рук.

Настроение было испорчено.

– Доча, ты чего?

– А то ты не знаешь чего, – буркнула девочка и направилась к двери.

– Я тебя не спросила: отец баню топит?

– Ты меня спросила. Топит.

– Ну ладно, – согласилась Ираида. – Пусть топит.

– Ма-ам, – взмолилась Оля, – я пойду?

– Куда еще?

– Меня Вовка ждет.

– Где он тебя ждет?

– Внизу.

– Ага, – согласилась мать. – Когда не надо, он тебя всегда ждет. Что за дети! – завела Ираида свою привычную песнь.

Впрочем, слушать ее уже было некому.

Вовка, расставив ноги, стоял около калитки. Его мучило любопытство – по улице чинно шествовало стадо гусей. Домашняя птица, запертая в загоне, услышала движение близких родственников и призывно загоготала.

– Есть! – восторженно произнес Вовик и стремглав понесся к дому навстречу выпорхнувшей сестре.

Ольга под впечатлением от материнского эксперимента злобно бурчала себе под нос: «Похожи... очень похожи... еще как похожи...» Девочка обернулась и показала язык распахнутым окнам. Завершив акцию протеста, маленькая бунтовщица сжала кулачки и, не глядя перед собой, устремилась вперед. Далеко Оле уйти не удалось – на пути возник Вова:

– Олька! Гусей погнали.

– Ну и что?

– Давай Трифона выпустим!

– Это еще зачем? – полюбопытствовала сестра.

– Ну как зачем?! – насккивал Вовка. – Посмотрим.

– Тебе мать потом посмотрит! Давно в бане не сидел?

– Как ты не понимаешь, – огорчился мальчик. – Он же король!

– Кто король? – не поняла Ольга.

– Он!

– Да кто?!

– Да он! Он!

Оля строго посмотрела на брата и презрительно переспросила:

– Трифон, что ли?

Вовка в ответ закивал головой.

Оля подумала:

– И че будет?

– Посмотрим, – успокоил сестру Вовик.

Посмотреть на выход Трифона в свет дети не успели. Степан прокричал домочадцам:

– Ба-а-ня го-то-ва!

Первой откликнулась Ираида:

– Ты чего, Степ?! – высунулась она из окна. – Звал меня, что ли?

– Готова баня. Собирай детей, Ирка.

Услышав родительские голоса, Ольга с Вовкой ринулись к дому небольшими перебежками, стараясь не вызвать подозрений матери, строго-настрого запретившей не просто открывать загон с гусями, но даже подходить к нему. Второпях Вовик забыл о том, что отодвинул щеколду и даже чуточку, можно сказать, самую малость, приоткрыл калитку. Одним словом – выпустил Вовка гусей.

Детей повели мыться первыми. В предбаннике Ольга заартачилась:

– Я не буду с ним мыться!

Ираида оторопела:

– Это почему еще?

– Я уже большая, – ответила девочка и наотрез отказалась снимать платье.

– Да что еще это такое?! – всплеснула руками Ираида Семеновна. – На прошлой неделе, значит, она большая не была. А за неделю вдруг выросла?

Вовка, молча наблюдавший за перепалкой, тоже на всякий случай отказался снимать трусы. Спокойно такое пережить Ираиде было не под силу:

– А если я сейчас сама с тебя трусы сниму? – полущутя-полусерьезно спросила она сына. – Ты, значит, тоже у нас большой?

– Я большой, – согласился Вовик.

– Камнями, значит, кидаться он не большой, а трусы снимать большой? – задумчиво поинтересовалась мать. – А если я сейчас... – Ираида осмотрелась по сторонам. – Не посмотрю, что ты большой...

Взгляд ее упал на заранее замоченный Степаном веник.

– Да как приложу тебе по заднице!

Мать схватила веник и замахнулась на сына, отчего по стене отпечатались веер брызг. Вовка прыгнул с лавки и бросился к противоположной стене, где стояла Ольга, прижав платье к груди. На всякий случай мальчик тоже подтянул трусы как можно выше, всем своим видом демонстрируя, что будет стоять насмерть. Внешне скульптурная группа, застывшая у стены, напоминала пленных партизан перед расстрелом. Исполнительница приговора не ожидала такой прыти и замерла с оружием в руках. С веника капало. Ираида растерялась. Решение пришло неожиданно:

– Хорошо. Не хотите раздеваться – не надо. Одна большая сейчас в дом пойдет, будет там сидеть, ждать пока мать с отцом из бани придут. А потом – в баню самая последняя, когда сам домовый мыться ходит.

Ольга, услышав про домового, побледнела, но рук от груди не отняла.

– А другого большого, – грозно продолжала Ираида, – я Трифону отдам!

Она сделала шаг к стене, схватила за руку сына и потащила к двери. Вовка упирался, но был слишком легковесным, чтобы остановить впавшую в раж мать. Ираида толкнула ногой дверь и чуть не закричала от ужаса – у порога стоял Трифон. Белая птица на фоне вечерних сумерек выглядела зловеще. Вовкино сердечко забилося, и мальчик истошно заорал:

– Не-е-е на-а-адо! Ма-а-ама, не-е-е на-а-адо!

Вовка визжал и извивался с такой силой, что Ираида еле удерживала его в руках. Услышав детский крик, к бане мчался Степан, и сердце его обрывалось от страшных предчувствий. Увидев хозяина, гусак сделал шаг в сторону, но не больше. Степан схватил извивающегося сына на руки и с силой прижал к себе, пытаясь остановить истерику. Понемногу Вовка начал успокаиваться, рыдания перешли во всхлипывания и скоро затихли.

– Он что, обварился? – спросил отец.

– Он испугался, – с готовностью сообщила Оля.

– Чего?

– Не чего, а кого... Трифона...

– Зажарю я, на хрен, твоего гусака, – пообещал Степан Ираиде, чем вызвал у сына вторую волну истерики.

– Не-е-е на-а-а-адо! Па-а-а-па, не-е-е на-а-а-адо!

– Не будет, сыночка, – пообещала Ираида Семеновна, благоразумно умолчавшая о выбранном для мальчика наказании. – Не будет папа гусочку резать.

– А жарить? – неожиданно уточнил Вовка.

Родители переглянулись.

– И жарить не будет, – заверила Ираида. А потом подозрительно посмотрела на дочь: – А кто Трифона выпустил?

Ольга прямо смотрела матери в глаза.

– Она не выпускала, – доложил Вовка.

– А кто ж тогда? – язвительно уточнила Ираида. – Сам вышел?

– Сам. – Вовка утвердительно качнул головой и прижался к отцу. – Папа, я с ними не хочу мыться! Я же уже большой мальчик? – Он решил идти до конца.

– Большой, – согласился Степан и выразительно посмотрел на жену. – Большой он у нас, Ирка. Придется учесть. И взять в команду.

Довольный Вовка, не дожидаясь ответа матери, начал стаскивать с себя трусы, несколько не стесняясь своей наготы.

– Без баб, пап?

– Я те дам «без баб», – в который раз замахнулась на сына Ираида, но вскоре вслед за Степаном расхохоталась.

– Пойдем, доча, – позвала мать зачинщицу смуты, и та бесстрашно выскользнула из бани в темноту.

В августовской тьме белел Трифон, так и не сошедший со своего наблюдательного пункта. Похоже, птица была просто дезориентирована в пространстве по причине окончательно спустившейся на землю темноты.

– Я загоню его, мам, – пообещала девочка.

– Темно ж уже, – возразила Ираида.

– Я не боюсь, – ответила Ольга и подошла к Трифону.

Тот почувствовал рядом человека и злобно зашипел. Маленькая хозяйка по бабушкиному примеру резко выбросила руку и громко шикнула. Трифон в темноте не видел противника, поэтому решил просто ретироваться. Причем сделал это с королевским достоинством. Его маневр не был бегством, он был возвращением домой.

Оля задвинула щеколду, шепнула: «Пока», – и помчалась к дому. Без Трифона в темноте ей было страшновато.

В общем, баня в семье Звягиных сегодня не задалась – женская половина семьи вообще мылась наскоро.

– Ольга, дай на голову полью, – торопилась Ираида.

– Полей, – подставляла влажные от банного пара кудри девочка.

Мать опрокидывала таз с водой и вместо привычного «с гуся вода – с Оли худоба» подавала команды:

– Мыль, давай.

Оля старательно вспенивала шампунь, но волосы в мыльные рожки не сбивала, видя, что мать не настроена на игру. Наливное детское тело поблескивало в банном полумраке, но Ираиду это не радовало: «Как раскормилась, – думала она о дочери. – Прямо толстуха». Девочка чувствовала внутреннее недовольство матери и специально присаживалась на корточки, поворачиваясь к Ираиде спиной.

«Вон хребта уже не видно, все салом заплывло», – никак не могла успокоиться женщина, отчего налегала на мочалку все сильнее. Наконец Ольга вскрикнула:

– Ма-а-а-м, больно!

Ираиде стало стыдно, и, пока дочь не повернулась к ней лицом, она быстро перекрестила детскую спинку. Потом легко коснулась и бодро произнесла:

– Ну вот, оттерла, аж скрипит. Подожди, окачу.

Подставила жестяной таз под кран с кипятком. Вода звонко ударила в жестяное дно. Ираида Семеновна прикинула на глаз, перекрыла горячую воду и пустила холодную. От содержимого шайки пошел пар, и вода издала приятное уху бульканье. Женщина с опаской опустила руку в таз и перемешала его содержимое, читая про себя Богородицу.

– Готово! – объявила Ираида и окатила дочь. – Вставай.

Ольга даже не подняла головы. Спросила тусклым голосом:

– Ма-а-ам, я толстая?

Ираиду обдало жаром, и сердце ее сжалось:

– Это с чего ты взяла?

Девочка молчала.

– Это кто тебе сказал?

– Все говорят, – тихо произнесла дочь.

– Ну-у-у, – протянула Ираида Семеновна, – я его отлуплю, паршивца. То камнями он кидается, теперь еще и обзывается!

– Это не он, – вступилась за брата Ольга.

– А кто?

– Какая разница, – еще тише обронила девочка.

– Как это какая разница?! – возмутилась мать. – Моего ребенка обижают, а она – какая разница! Да я за тебя... за тебя...

Ольга не дала матери договорить:

– Не надо за меня... Просто скажи – я толстая?

– Да какая же ты толстая?! Вон у тебя все ребра наружу! Хоть считай!

– Посчитай, пожалуйста, – попросила девочка и подставила матери свой округлый бочок.

– Господи, – затянула Ираида, – худоба-то какая! Взяться не за что! Кожа да кости!

Ольга всхлипнула.

– Не реви! Не реви, я сказала.

Девочка ткнулась в материнский живот, изо всех сил сдерживая рыдания.

– Что за люди! – продолжала свою песнь Ираида. – Нет, Господи, ты скажи, что за люди! Ребенок им помешал! То-о-лстая она, видишь ли. Худых им подавай! Да пока толстый сохнет, худой сдохнет!

Ольге присказка понравилась, и она с благодарностью предложила матери:

– Давай спину потру?

– Иди уже, – отмахнулась Ираида. – Потрет она... Нет, ну что за люди!

С остервенением намыливая мочалку, женщина продолжала бурчать себе под нос. Попутно она комментировала действия дочери:

– Доча, полотенце подними – на полу оно. Вытирайся лучше. Ну что ты как маленькая! Белье чистое надевай. Кофту! Голову повяжи.

Ольга старательно наматывала на влажные волосы полосатое полотенце. На распаренное тело одежда не налезала, Оля сопела и злилась. Когда процесс одевания был завершен, девочка обернулась к матери и спросила:

– Ну, я пошла? Или ждать тебя? – из солидарности предложила она.

– Еще не хватало, – разрешила Ираида. – Иди, а то взмокнешь.

Последней из бани уходила мать. Смерив на глаз кучу грязного белья, женщина вздохнула – ей стало себя жаль. Все сегодня и так наперекосяк: дети подрались, со свекровью повздорили, Трифон Вовку до смерти напугал, Ольга через раз плачет. И со Степаном вот ничего не вышло, а уж он-то как эту баню ждал! При мысли о муже Ираида сразу помягчела и стала бойко переворачивать шайки вверх дном, отчего из бани в уличную темноту полился жестяной звон. Оглядев напоследок предбанник, Ираида Семеновна поймала себя на том, что ее что-то беспокоит. «Ольга! – выскочило неожиданно. – Странная она какая-то стала. И мыться с Вовкой не буду, и толстая она... К бабке, что ли, ее сводить? Пусть отчитает, а то и, глядишь, отольет...» Найдя промежуточное решение, Ираида успокоилась. Выключила в бане свет, распахнула дверь настежь и уверенно зашагала к дому. На ходу подумала: «Вовку бы тоже надо отчитать... И Степана... И в церковь сходить...»

К возвращению Ираиды Семеновны дом почти спал: дети лежали в кроватях и тихо переговаривались, Степан курил на террасе, зевая так, что было слышно на втором этаже.

– Пришла? – задал он глупый вопрос.

– А ты бы хотел, чтоб я в бане ночевать осталась? – огрызнулась жена.

– Ты чего, Ирка?

– Воспитанные люди, – Ираида глубокомысленно помолчала, – говорят «с легким паром».

– С легким паром! – улыбнулся Степан. – Посуду не мой – завтра вместе.

– Знаю я ваше «вместе»! – не сдавалась Ираида.

– Сказал вместе. Поднимайся наверх, Ирка.

Женщина задержала свой взгляд чуть дольше обычного. Этого было достаточно для того, чтобы понять – «удалась баня!».

– Как скажешь, Степ, – мягко и миролюбиво согласилась Ираида и, призывно качнув бедрами, начала свое восхождение наверх.

– Ольга, – прошипел Вовик, – тихо! Мама идет.

Дети вытянулись в кроватях, как солдатики. Чуть подрагивали старательно зажмуренные веки, но в темноте этого было не видно. Ираида, войдя в комнату, остановилась и прислушалась – Вовка мерно сопел, а Ольга «спала» беззвучно, отвернув лицо к стене. Мать нагнулась и, уловив ритм дыхания по поднимавшемуся одеялу, перекрестила дочь. Поцеловать, как обычно, почему-то не решилась. Подошла к сыну – по простыне изломом из-за полной луны белели складки. Ираида улыбнулась – «какой жаркий!», сняла со спинки сваленное покрывало и укрыла мальчика. Над ним постояла чуть дольше. Немного помедлив, перекрестила и его.

Вовка крепился изо всех сил, чтобы не выдать себя, а мать все не уходила. «Ну, иди же, иди», – про себя взмолился мальчик, и Ираида направилась к дверям. Из-за них были слышны тяжелые шаги поднимавшегося наверх отца.

– Сте-еп, – прошептала Ираида Семеновна, – ты, что ли?

– А ты кого ждала? – с придыханием продолжил игру муж. – Уснули, что ли?

– Уснули...

– Точно?

– Неужели! После такого-то дня!

Ольга слышала, как со скрипом закрылась дверь в комнату родителей. Слышала, как тяжело легло на кровать отцовское тело, как хихикала мать, прыскавая в ладонь. Все эти звуки девочке были давно известны, поэтому особого интереса собой не представляли. Оля села в кровати и позвала брата:

– Вовка, ты спишь?

– Я что, маленький?! – возмутился мальчик.

– Иди сюда, – приказала старшая сестра, и Вовик послушно перебрался в ее кровать.

Секунду-другую помолчали.

– Оля, а правда бабушка их язык понимает?

– Правда, – поспешила его заверить девочка.

– А ты?

– И я, – не поморщившись, наврала Ольга.

– И чего он говорит?

– Кто? – не поняла Оля.

– Ну, Трифон?

– Ну что Трифон говорит? Говорит, что он король, что...

– Заколдовала его злая ведьма... – продолжил Вовка. – Это я знаю! А тебе он чего говорит?

– Мне? – растерялась девочка.

– Тебе! – напирал Вовка.

– Ну-у-у... Мне он говорит, что я красивая... Что он меня любит... Что жениться на мне хочет...

Вовик смотрел на сестру во все глаза.

– А еще он говорит, что когда мы поженимся, то улетим отсюда навсегда. В дальние края!

– Да как же он полетит? – не поверил Вовка. – Он же король станет. Человек то есть.

– Ну-у-у, как улетит? – продолжала врать Оля. – На самолете улетит.

Мальчик засомневался в правдивости рассказа:

– Без тебя улетит?

– Почему без меня? – оторопела Ольга. – Со мной.

– Да как же с тобой?! – занервничал Вовик. – Ты же маленькая. Тебе мама лететь не разрешит.

– Почему это не разрешит?

– Потому что ты в школе учишься! А в школе жениться нельзя!

– Ну-у-у, я же не сразу жениться буду.

– А когда?

– Когда школу закончу. Через восемь лет.

– У-ужас! – не сдержался Вовка.

– Почему?

– Как же Трифон восемь лет гусем будет?

– Ладно, Вова, – на полном серьезе произнесла Оля. – Придется тебе сказать всю правду...

– Да? – простодушный Вовик не смог сдержать свое изумление.

– Да...

Ольга помолчала и начала свой правдивый рассказ:

– Ты думаешь, я твоя сестра?

– Сестра... – тоскливо повторил мальчик.

- Нет, Вовка. Не сестра я тебе.
  - Че ты врешь-то? – не поверил младший брат.
  - Ну-у-у, – назидательно протянула девочка. – Если ты мне не веришь, значит, я тебе и рассказывать не буду.
  - Рассказывай, Оля, – раскаявшись, попросил Вовка.
  - Последний раз... В общем, Вова, никакая я тебе не сестра. А ты мне не брат. И родители мне не родные, а приемные.
  - А-а эт-то? – Вовик, заикаясь, ткнул пальчиком в Ольгин нос.
  - Что это? Пятно? Это специально. Чтобы люди думали, что я вам родная. Но я не родная.
  - А какая?
  - Слушай.
  - Слушаю...
  - Я тоже... – Ольга таинственно помолчала. – Я эт-то... Как Трифон...
  - Гу-у-у? – обомлел Вовка.
  - Сам ты гусь! – оборвала его сестра. – Принцесса я...
  - Принцесса?
  - Принцесса. Меня тоже злая ведьма заколдовала, как и его. Теперь вот ждать надо...
- Когда похудею и когда пятно пропадет.
- А когда? – поинтересовался Вовка.
  - Да не знаю я когда! В общем, когда пропадет, тогда и расколдуюсь.
  - А если не пропадет? – позволил себе засомневаться мальчик.
  - Может, и не пропадет, – согласилась Оля. – Тогда все!
  - Что все?
  - То все... Пропадет наш Трифон!
  - Куда?
  - Не куда, а совсем, – поправила брата девочка.
- Измученный фантазиями сестры Вовка тоскливо посмотрел и спросил:
- А она не придет?
  - Кто?
  - Ведьма.
  - Ведьма? – Оля задумалась. – Ведьма не придет. Она же не ходит. Ведьма летает.
- Из родительской спальни донесся приглушенный стон.
- Что это? – испугался мальчик. – Ведьма?
  - Нет, – пояснила Оля, – это мама. Снится, наверное.
- Стоны не прекращались.
- Я боюсь, – задрожал Вовка.
  - Не бойся, – успокоила его сестра и спрыгнула с кровати.
  - Ты куда?
  - Сейчас...
- Ольга приоткрыла дверь и поскреблась в родительскую спальню:
- Ма-ам!
- Из-за двери ответили рвущимся голосом:
- Что-о-о?
  - Ты плачешь? – с беспокойством спросила девочка.
  - Нет! – слышался отцовский голос.
  - Я маму спрашиваю...
- Ираида не удержалась и изрекла:
- Господи, ну что за дети?! Ни днем тебе от них покоя, ни ночью!

– Не шуми, Ирка! – прикрикнул Степан и тяжело встал с кровати. – Ты чего не спишь, дочь? – ласково обратился он к девочке. – Иди, ложись.

Отец приобнял Ольгу за плечики и вошел вместе с ней в детскую. Увидев сидящего на кровати Вовку, погрозил ему пальцем:

– А ты чего? Ну-ка по кроватям, несплюхи!

Дети разбрелись – каждый в свою постель. Степан помахал им с порога – «Давайте! Давайте!» – и вернулся к себе. На кровати уже спала Ираида. Стараясь двигаться как можно тише, Степа Звягин натянул на себя одеяло и через минуту захрапел.

Утром в дом Звягиных постучалась беда – подняла с постели и закричала голосом Полины Михайловны:

– Сте-е-епа! Сте-почка...

Из кухни выглянула ни о чем не подозревающая Ираида, всегда стоящая на страже семейного покоя:

– Ма-а-ама, – с укоризной шикнула она. – Вы чего шумите? Спят же все!

– Ирочка, – проронила свекровь. – Ирочка... – и заплакала.

Видя, что Полина Михайловна не двигается с места, что волосы ее не собраны, а из-под плаща виднеется край ночной сорочки, невестка напряглась. Ираида не была склонна к долгим размышлениям, к анализу ситуации, всегда в запасе имела пару готовых для отпора фраз, порой и употребляемых-то не к месту, но в данный момент почувствовала, что неспроста ранним утром навестила ее всегда выдержанная свекровь. Ираида Семеновна молча поднялась. Словно в замедленном режиме вышла из дома и медленно, непривычно для себя, побрела в сторону застывшей в калитке Полины Михайловны.

– Ма-ам? – тихо спросила Ираида.

Свекровь отворачивалась от пытливых невесткиных глаз, пытаясь удержать душившие ее рыдания. Голос старшей Звягиной рвался:

– Ира... Буди Степу. Буди, девочка. Отец...

Ираида, по-женски быстро заразившаяся страшной бедой, все поняла и встречных вопросов задавать не стала.

– Иди, Ирочка, – заплакала Полина Михайловна. – Иди же. Скорей...

– Пойдемте, мама. – Ираида Семеновна подхватила свекровь под руку и, прижавшись к ней своим добрым телом, медленно повела разом состарившуюся женщину к дому.

Свекровь не сопротивлялась. Прежде статная, Полина Михайловна сторбилась. Голова ее мелко и часто подрагивала, словно она с чем-то не соглашалась. Ноги ступали нетвердо, как будто после долгой болезни, подгибались. Казалось, женщина забыла дорогу и шла, словно слепая.

Ираида помогла свекрови подняться по ступенькам. Обе остановились в дверях и посмотрели друг на друга:

– Иди, Ирочка, – как заведенная, повторяла Полина Михайловна. – Иди. Буди Степу. Иди, Ира. Иди...

Ираида Семеновна усадила свекровь в кухне, дрожащими пальцами провела по плечам, поцеловала в затылок и прижалась к влажному виску:

– Сейчас, мама. Сейчас.

Свекровь пребывала в каком-то полусне: сидела прямо, не шелохнувшись, смотрела в одну точку. Ираида оторвалась от убитой горем женщины и быстро стала подниматься на второй этаж.

Степан, широко раскинув руки, крепко спал. К его большой голове медленно подкрадывался солнечный луч, частично запутавшийся в когда-то буйных кудрях. Рука, отброшенная на половину жены, была темной от загара и смотрелась как-то отдельно от тела. Ираида, застыв-

шая над мужем, любовно медлила, пытаясь хоть немного отсрочить встречу Степана с бедой. Наконец решилась и тихо позвала:

– Сте-епа...

Провалившийся в глубокий сон супруг на зов не откликнулся. Ираида присела на кровать и легко коснулась руки спящего:

– Сте-е-епа, вставай... Вставай... – теперь потрясла мужа за руку.

Степан с неохотой открыл глаза и тут же закрыл, оберегая их от яркого света.

– Вставай, Степа, – настойчиво повторила Ираида. – Там Полина пришла... Мама.

– А который час? – поинтересовался муж, зевая и потягиваясь.

Ираида Семеновна не ответила и попыталась отвести взгляд. Она не знала, что говорить, как говорить, и потому медлила. От Степана не ускользнула растерянность жены, и он уточнил:

– А зачем мать-то так рано приходила?

– Она там внизу... Внизу сидит...

Звягин тревожно посмотрел на жену, и в душе поселилось нехорошее предчувствие:

– А что случилось, Ирка?

– Беда у нас, Степа. Отец твой...

– По-нят-но, – протянул Звягин и сел в постели. Он ненавидел наступившее утро. Боялся встречи с матерью. Боялся смотреть жене в глаза, дабы не увидеть в них лихорадочного отблеска беды. Боялся, что заплачет, а потому, нарочно огрубив и без того хриплый со сна голос, бросил Ираиде:

– Штаны подай!

Та беспрекословно, с излишней даже готовностью, протянула их мужу. Степан секунду подержал их в руках, словно примериваясь. Потом привычным жестом натянул штанины сразу на обе ноги и ловко, заученным движением встал.

– Сте-епа... – сделала шаг вперед Ираида, но коснуться мужа не решилась.

– Э-э-эх... – вздохнул Степан, стряхнул с себя что-то невидимое и, старательно обходя жену, направился вниз. Ираида тенью скользнула следом.

На шум шагов Полина Михайловна не отреагировала: как ее невестка оставила, так она и сидела, уставившись в одну точку. Разве только немного раскачивалась из стороны в сторону, да губы ее при этом беззвучно шевелились. Со стороны могло показаться, что Ираидина свекровь разговаривает сама с собой.

«Господи, – подумала Ираида Семеновна, – как бы умом не тронулась. Ведь горе-то какое!»

– Мама, – осторожно позвал Степан.

Полина Михайловна повернулась на голос. Не закричала. Просто поджала губу, чтобы та предательски не дрожала.

Если бы мать заголосила, бросилась бы к сыну или, на худой конец, просто на пол, Степан знал бы, что делать. Но она молчала.

Ираида подтолкнула мужа к матери, тот с испугом оглянулся на жену, но шаг был сделан, и через секунду Степан уже сидел на соседнем стуле, выложив большие руки на стол.

– Надо идти туда, – проговорила Ираида Семеновна. – Нехорошо как-то... Один в доме. Не по-людски.

Полина Михайловна часто-часто закивала головой. Поднялась, с тоской глядя на сына, неловко переступая с ноги на ногу.

– Давайте, мама. И ты, Степа, тоже вставай. Я сейчас детей подниму и следом.

– Не приводи, детей, Ира, – попросила свекровь. – Не надо им это видеть. Рано.

– Рано не рано, – возразила Ираида, – а с дедом надо проститься. И справку надо. И обмыть... Господи, мама, обмыть же! Кого звать?

– Никого не будем звать. Сами со Степой. Отец не хотел.

– Не положено так, мама.

– Не спорь со мной, девочка, – попросила Полина Михайловна.

Перед ее глазами стояла та, давнишняя картина из позапрошлого года, когда вместе с мужем навещали в областной больнице лежавшую там на обследовании сватью. Была середина ноября – холодно, бесснежно и ветрено. Сначала стояли в вестибюле терапевтического корпуса. Сватья ругала врачей, медсестер, соседок по палате. Жаловалась, что кормят невкусно, по-больничному пресно. Долго благодарила за привезенные гостинцы и все время спрашивала: «Как там наши?»

Зиновий Петрович томился. Выходил курить. Потом возвращался. Сваха начала гнать гостей. В итоге простились, по-этикетному троекратно поцеловавшись.

Вышли молча и направились к воротам. Откуда-то слева раздался металлический скрежет: из «санитарки» выгрузили оцинкованные носилки, на них – голая мертвая женщина. Большая грудь свесилась, круглые крупные плечи пугали своей восковой желтизной. Вырвавшийся из-за угла ветер затрепал соломенную пергидрольную прядь несвежих волос.

– Чче-ерт, – выдохнул Зиновий Петрович и отвернулся. Полина Михайловна заспешила за мужем. Вслед послышался грохот опускаемого лифта. Хлопнула дверь санитарки, и машина отъехала.

«Морг, видимо», – подумала Звягина и подставила лицо ветру. Муж закурил и между делом бодро и по-деловому сказал:

– В больницу, если что, не отдавай. Не хочу, чтобы голым... на носилках... в шахту. Сама обмоешь, чужих чтоб рядом не было... И бабок не зови...

Так и сделала. Хотелось припасть к застывшему телу, пугал холод. Дважды Полина вставала перед мужем на колени, и дважды сын поднимал ее и возвращал к страшному прощальному делу. Одевали Зиновия Петровича трудно и медленно – тело не гнулось, и пальцы не слушались. Мелкие пуговицы на рубашке все время выскальзывали из петель. Но Полина Михайловна не торопилась, застывая над каждой пуговицей и обращаясь к мужу с просьбой подождать.

Попросила расческу. Любовно провела по волосам, не замечая, как на лицо покойника падают ее слезы, оставляя за собой глянцевые полосы. Склонилась над мужем, многократно поцеловала оправившийся от морщин лоб, со стоном сбросила положенные на глаза Степаном пятаки и наконец-то отчаянно закричала: «По-че-му?»

– Почему он? Почему сейчас? За что?

Младший Звягин матери не мешал. Тихо делал свое дело – связывал веревочкой отцовские руки, так и норовившие лечь вдоль тела. Ему хотелось прижаться к отцу – к плечу, к рукам, к груди, в конце концов. Прижаться и заскулить, тонко и жалобно: вдруг встанет? Встанет и скажет: «Вы это, мать ети, чего? Чего надумали? Живой я пока...»

Было неловко при матери, поэтому держался, прилаживал эту дурацкую веревочку. Ждал. Чего только ждал?

Немного спустя Зиновия Петровича переложили на снятую с петель дверь, уложенную на добротные табуреты, когда-то им и сбитые. Осталась официальная часть: гроб, справка, место на сельском кладбище и прочие ритуальные вопросы. Ими и предстояло заняться Степе Звягину.

Выйдя на улицу, он заметил, что к дому потянулись люди. В основном это были старухи. От одного их вида Степе стало нехорошо, поэтому он бросился в противоположную сторону, намереваясь оббежать полсела, пока доберется до нужного места. По дороге его окликали, спрашивали, когда хоронить. Звягин отмахивался, что пока не знает, но все равно, как положено, на третий день, и продолжал свой путь. Шагая, Степа вспомнил, что даже не спросил у матери, как это произошло, когда именно. Он двигался целеустремленно, словно рассекал стоящее перед глазами изображение мертвого голого отца.

Ираида в это время тоже зря времени не теряла. Разбудила Ольгу, наказала из дома никуда не выходить, Вовку покормить и ждать, пока не вернется или она сама, или отец.

– А когда? – переспросила ничего не понимающая со сна Оля.

– Когда-когда, – огрызнулась Ираида Семеновна. – Откуда я знаю когда?

Ольга, привыкшая к материнским причудам, на ответе не настаивала. Но видя мать странно встревоженной, робко поинтересовалась:

– Куда ты, мама?

– Ниче, доча, – невпопад ответила Ираида. – И это переживем.

Девочка с недоумением посмотрела на мать, но спросить так и не решилась, видя, что той некогда. Как только за Ираидой захлопнулась дверь вниз, Ольга подбежала к окну, наблюдая за матерью с высоты второго этажа. Та вела себя странно: сначала заскочила в дом напротив, где жила ее подруга Таня, но пробыла там не час, как обычно, а пару минут, не больше; затем вошла в калитку второго соседского дома, но проходить далеко не стала, а что-то крикнула копошившемуся в огороде хозяину. Да и еще вот что: на голове матери был черный платок.

Ольга растолкала Вовку, отчего тот пришел в негодование.

– Я спать хочу, – закапризничал мальчик и перевернулся на другой бок.

Но не тут-то было. Олю такое положение дел явно не устраивало. Она чувствовала, что что-то происходит, но понять что, пока не умела. Для этого ей жизненно необходимо было оказаться на улице, а сделать это было невозможно по одной-единственной причине – «из-за этого дурака Вовки».

– Вставай быстро, – прошипела девочка брату на ухо, – а то ведьма придет.

Одно упоминание о ведьме подняло Вовика с кровати взрывной волной:

– Заче-е-ем?

– Не зачем. А за кем, – продолжала Оля добиваться поставленной цели.

– За ке-е-ем? – дрожащим голосом переспросил мальчик.

– Ну не за мной же, – успокоила его сестра.

– А почему за мной? – отстаивал свои рубежи Вова.

– Потому что дрыхнешь до обеда...

До обеда, конечно, было еще далеко. Но на всякий случай Вовка решил подчиниться.

– А где мама? – полюбопытствовал мальчик.

– Ушла.

– А папа?

– И папа ушел. Я главная.

Вовик помрачнел:

– Умываться, что ли?

– Можешь не умываться, – великодушно разрешила Оля.

– А можно, – с надеждой уточнил Вова, – не буду завтракать?

– Нельзя, – отрезала Ольга и насупила брови. Необходимость накормить брата определялась ею как первостепенная. Она помнила о материнском наказе и собиралась его выполнить во что бы то ни стало.

Дети спустились вниз, но на столе вместо привычного субботнего разнообразия их ждала в сковороде остывшая яичница.

– А блины где? – поинтересовался Вова.

Оля посмотрела на пустую плиту. На всякий случай даже в холодильник. Блинов нигде не было.

– Я не буду яичницу, – затянул знакомую песнь Вовка.

– Будешь как миленький, – пообещала ему сестра. – А то к Трифону не пойдешь.

Вовик, благодарный уже за то, что ему не пригрозили ведьмой, попробовал было увильнуть от предстоящего завтрака, но был быстро водворен на место.

– Не хочешь – как хочешь, – нарочито равнодушно сказала Оля и приступила к еде. Мальчик занервничал. События сегодня явно развивались не по традиционному сценарию.

– Последний раз спрашиваю: будешь? – буркнула Оля, вожаденно поглядывая на вторую половину яичницы. Ела девочка всегда с отменным аппетитом.

– Буду, – тоскливо пообещал Вова и наконец-то присел за стол.

Сестра не торопилась быть щедрой: аккуратно по краю вырезала почти оранжевый желток и словно нехотя переложила Вовке в тарелку.

– Я хочу со сковородки, – занял мальчик.

– Обойдешься, – успокоила его Ольга и чуть поласковее прокомментировала: – Мама не разрешает.

– Тебе тоже не разрешает.

– Я – это другое дело, – печально произнесла девочка. – Я же не родная. Значит, на меня это не распространяется.

Этот аргумент показался Вовику вполне убедительным: тарелку решено было оставить.

– А почему мне желток? – на всякий случай с опаской поинтересовался мальчик.

– Ну я же желток не ем.

– Я тоже не ем, – чуть не плача сообщил Вова.

Ольга быстро соскребла с чугунной сковородки бело-мутное желе и с жадностью засунула в рот:

– А белка не-е-ет. Уже.

Вовка с недоверием посмотрел в жующий рот сестры и следом – на осиротевшую сковороду: там не просто не было белка, там вообще ничего не было.

– Не-е-ету... – удовлетворенно протянул мальчик. – Будешь еще?

Вовка подобострастно пододвинул свою тарелку с желтой кляксой сестре. Оля с готовностью согласилась и принялась за еду. Брат удовлетворенно наблюдал за процессом потребления и еле сдерживал внутреннее ликование: «Всю гадость съела!»

Гадости в Ольгином представлении явно было маловато для нее одной, поэтому она вновь заглянула в холодильник. Там ее ждала пустота. «Да уж, – подумала она. – С таким завтраком недолго и ноги протянуть!» Аккуратно прикрыв дверцу холодильника, задумалась. «Бабушка!» – промелькнуло в ее кудрявой голове, и она повеселела.

– Вовка, пойдем к бабушке?

– Лучше к Трифону, – абсолютно честно расставил тот приоритеты.

– К Трифону нельзя – мама не велела. Опять в баню посадит.

Столь радужные перспективы Вовке не понравились – мальчик загрустил. Чувствуя себя обманщицей, Оля попыталась найти компромисс с совестью и предложила брату для начала навестить Трифона. Отдать, как говорится, почести царственной особе. По столь торжественному случаю Вова позволил себя причесать и даже надел слежавшуюся по сгибам белую футболку, тщательно охраняемую Ираидой на всякий случай. Вид мальчика напоминал парадный портрет младшей группы детского сада: черные шорты – белая майка и волосы, расчесанные на косой пробор. Последнему соответствовать было особенно сложно, так как буйные кудри Вовы Звягина не желали укладываться ни в одну сторону – они просто торчали перпендикулярно голове, отчего та зрительно увеличивалась в размерах.

Оля удовлетворенно посмотрела на брата и приступила к работе над собственным образом. Для достижения цели из материнских закров было добыто ни разу не надеванное платье, тоже дожидавшееся торжественного случая. По мнению Оли, он как раз и наступил. Войдя в роль сироты при добрых, но приемных родителях, девочка помнила о своем благородном происхождении, поэтому и наряд подбирала соответствующий. Ну никак заколдованная принцесса не желала предстать перед суженым в холопском наряде!

Из дома дети вышли, словно два лилипута на арену цирка. По подолу Ольгиного платья густо колосилась рожь в обнимку с ромашками и васильками, на мятой хлопчатобумажной груди сидела палехская брошка, а на ногах – белые кружевные носки, тщательно оберегаемые Ираидой в ожидании первого сентября. Внешний вид Вовки таким великолепием не отличался, он поражал своей выдержанной строгостью: ничего лишнего – черный низ, белый верх. Небольшой диссонанс вносили непослушные завитки на голове, но против них существовало только одно средство – ножницы. Ими Оля воспользоваться как-то не решилась.

В момент приближения процессии к загону с гусями Трифон с интересом долбил чего-то клювом в пустом корыте. Еды в нем не было. Вовик выдернул руку из рук сестры и бросился к плетню. Забывшись, он собрался закричать «гуся, гуся», но вовремя осекся и уважительно произнес: «Три-ифон, Трифочка». Гусак злобно покосился на посетителя и зашипел. Мальчик с благоговейным ужасом сделал шаг назад и с надеждой посмотрел на приближающуюся Олю. Та явно ощущала себя хозяйкой положения и отомкнула калитку. Трифон развернулся к детям и, прокладывая себе дорогу среди копошащихся в земле сородичей, пошел вперед.

Вовка спрятался за спину сестры. Девочка осталась один на один с грозно шипящей птицей. Трифон неудержимо надвигался – Оля остановилась и приготовилась выбросить руку с волшебным шиканьем. Впрочем, этого не потребовалось: гусак продефилировал мимо, направляясь к распахнутой калитке. Поравнявшись с ней, Трифон приветственно гоготнул и вывалился в Ираидин огород.

– Трифон ушел, – почему-то шепотом сообщил Вовка.

– Вижу, – ответила Оля и про себя отметила, что птица не кормлена – корыта были пустые.

«Странно, – подумала девочка, – даже воды не налила». Обычно Ираида всегда об этом помнила, а если что-то не успевала, то просила соседку Таню или, на крайний случай, саму Ольгу. В этот раз мать наказала дочери только Вовку покормить и никуда не выходить из дому: «Ждите, когда приду». А когда придет, не сказала, и куда пошла – тоже. Оле стало тревожно, еще и Вовка подлил масла в огонь:

– Трифон ушел, мама ругаться будет. Тебя в баню посадит.

– Почему это меня? – грозно уточнила девочка.

– Ты же главная, – хитро напомнил Вова.

– Ну и что? Не я же Трифона выпустила.

– Нет, ты.

Оля презрительно посмотрела на брата:

– Давай, Вова, ты еще маме скажи!

Тут мальчик при слове «мама» затосковал и плаксиво спросил:

– А где моя мама?

– Не знаю я, где твоя мама!

– Не знаешь, где моя мама?

– Не знаю. И, между прочим, она не только твоя мама! Она и моя!

– Нет, – покачал головой Вова, – не твоя.

– Как это не моя? – возмутилась девочка.

– Не твоя, – стоял на своем мальчик. – Ты же нам не родная...

– Я-а-а?! – обмерла Ольга.

– Ты-ы-ы, – со всей присущей семилетнему созданию тактичностью настаивал Вовка. – Ты же вчера сама говорила.

Этот аргумент оспорить было невозможно: слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Ольга фактически была поймана с поличным. Теперь либо нужно признаваться в собственном вранье, либо идти до конца. Сказочница выбрала последнее и с выражением глубокой печали на лице произнесла:

– Ну хорошо, хорошо, Вова. Не хотела я тебе говорить, но теперь скажу. Мальчик смотрел на «сводную» сестру с нескрываемым ужасом.

– Ушла от нас твоя мама. Совсем...

– Почему? – спросил Вовка, и губки его затряслись.

– Потому... По-то-му... Потому что ты не ешь ничего и не слушаешься.

– Мама? – не поверил мальчик.

Ольга отвернулась и не ответила.

– Моя мама? – пошел в наступление Вова. – Моя?

– Твоя, твоя, – поспешно согласилась заплечных дел мастерица.

– Где-э-э моя ма-а-ма? Зачем ушла-а-а-а? – завыл мальчик. – Ма-а-ма! Ма-а-мочка! Вернись! Забери меня, мама. Ма-а-мочка!

Вовка причитал с таким вдохновением, что Ольге стало не по себе. Снова, как тогда в бане, защипало в носу, и ей стало безумно жаль брата. Она почувствовала себя виноватой, ей захотелось успокоить мальчика, нарастающие рыдания которого скоро должны были привлечь внимание соседей.

– Ма-а-ама! Ма-моч-ка! Забери меня! Вернись... Ма-а-ама...

– Вовка, – обратилась она к орущему брату. – Чего ты реवेशь?

Вовик не стал делать из своего горя секрета и сообщил, всхлипывая:

– Ма-ама уш-ш-ла...

– Ну и что? – пыталась остановить поток слез Оля.

– Совсе-е-ем... – выл Вова.

Девочка автоматически решила использовать испытанное средство:

– Не реви! А то ведьма заберет!

– Пу-у-усть... – самозабвенно отдавался процессу Вовка.

Развитие действия явно пошло куда-то не туда, происходящее вышло из-под контроля, как Трифон из калитки. Нужно было что-то предпринимать, дабы успокоить брата.

– Хва-тит о-рать! – рявкнула Ольга и схватила брата за руку.

Тот от неожиданности присел, но опомнившись, раскрыл рот, чтобы набрать побольше воздуха перед очередным воплем. Воспользовавшись краткосрочной паузой, девочка командовала:

– Ну-ка! Пошли!

– Куда-а-а? – промямлил опухший от слез Вовка.

– Маму твою искать, пока еще не уехала.

На это Вовик был согласен и с готовностью прильнул к сестре, вверяя ей собственную жизнь. Тут же был забыт разгуливающий между Ираидиными грядками Трифон, его товарки с тяжелыми белыми задами, таинственная ведьма, которая все летела-летела, но никак не могла добраться до дома Звягиных, – перед детьми открылась великая цель: найти маму. Грандиозности этой цели Ольга, например, не замечала. Мало того, встреча с Ираидой не сулила ей ничего хорошего. Но рев брата был столь трагичен, что сердце заколдованной принцессы не выдержало, и она решила на какую-то минуту забыть о личных интересах и послужить общему делу – воссоединению матери с сыном.

Дети вышли на улицу: Оля обернулась и тщательно закрыла калитку. Вовик терпеливо ждал. Сестра по-хозяйски взяла брата за руку и повела навстречу счастью.

Вовино счастье в это время хлопотало в доме на другом конце Коромысловки. Занавешивало зеркала, расставляло вдоль стен стулья, встречало печальных визитеров и причитало без конца:

– Господи, беда-то какая! Какая беда-то! Жил человек – нет человека. Кому мешал, спрашивается? Кому мешал этот божий человек? Никогда слова дурного, грубого не скажет – все время с шутками, прибаутками. Нет, надо же! И его смерть нашла.

Внимательно наблюдающая за Ираидой тетка Степана, сестра покойного, шепотом подхватила невесткины причитания:

– Да уж, смерть она без разбору берет: больной – здоровый, плохой – хороший... Ей все равно. Вот и Зяму прибрала. А кому он мешал?

Ираида обернулась, почувствовав конкуренцию:

– И правда ведь, тетя Шур. Кому мешал? Жил себе да жил...

Подняла голову застывшая Полина Михайловна:

– Никто никому не мешал... – Помолчала. – Просто время пришло. Раз... – голос ее оборвался, – и пришло.

– Разве ж, мама, знаешь, когда время-то придет? Ждешь вот его, ждешь...

– Это чего ж ты ждешь, дур-ра?! – В комнату входила бабка Косых – частая гостья всех сельских жителей. – Тип-пун тебе на язык! – кинула она Ираиде, а сама, нащупав взглядом выставленные Полиной Михайловной иконы, перекрестилась.

– Чего, Поля, гроба-то нет? Мужик на двери лежит.

– Строгают, тетя Маш, – виновато проронила Полина.

– Не строгают, а сколачивают, – поправила старуха. – А свечи почему не горят? Лампадка у тебя где?

Старшая Звягина обреченно молчала.

– Не успели еще, тетя Маш, – пыталась оправдать свекровь Ираида.

– Я не тебя, девка, спрашиваю, – отмахнулась Косых. – Полина, ты слышишь меня, что ли, или нет?

Полина Михайловна сидела, уставившись в одну точку. Каменная. Безучастная.

– Ты, Полина, от меня не отворачивайся, – хрипло клекотала Косых, – не отворачивайся. Ты со своей школой-то совсем про Бога, я смотрю, забыла. Вот, – протянула она завернутые в полотняную тряпочку свечи, – возьми-ка. Поставь, как положено. В доме покойник, а ему света божьего не горит.

Подскочила Ираида, желая передать свекрови восковые свечечки, но бабка Косых ее строго осекла:

– У тебя, девка, делов, что ли, нету? Чего мечешься как угорелая? Сейчас мужики придут – гроб принесут. Чем людей встретишь?

– Это что это, тетя Маш, обед, что ли, варить?

– Обед не обед, а помин в доме быть должен, – отрезала старуха.

Озадаченная Ираида подалась на кухню, а боевая Косых продолжала начатый штурм:

– Полина, свечки-то возьми. Поставь. Не сиди. Уважь мужа.

Звягина словно не слышала стрекота напористой старухи. Сидела, не поднимая головы, не отвечая на робкие вопросы пришедших.

– Полина! – чуть ли не взвизгнула бабка. – Вставай-ка. Ставь свечки.

Полина Михайловна медленно поднялась, выражение ее лица говорило только об одном – «оставьте меня в покое». Тем не менее свечи взяла, прошелестела «спасибо» и снова села на стул.

– Поля, – строго изрекла старуха, – ты зачем это, мать, опять села? Я тебе почто свечки дала? Чтоб ты с ними сидела, что ли? Давай-ка, поднимайся, ставь: к иконам, к изголовью...

Звягина недоуменно смотрела то на свечки, то на Косых. Когда взгляд ее перебежал на лицо мужа, брови складывались домиком, и на лице появлялась страдальческая гримаса. Старуха внимательно следила за взглядом Полины и, как только та намеревалась снова сесть, начинала атаковать ее вопросами:

– Во что свечки-то ставить будешь?

Звягина сокрушенно качала головой.

– Рюмки-то у тебя есть? Рюмки доставай.

Полина послушно вставала, шла к занавешенному серванту, приподнимала простыню и извлекала оттуда несколько рюмок. Ставила на указанные места – свечи в них заваливались набок.

- Не будут стоять, – подстегивала ее Косых, – пшена принеси.
- Ира, – тихо звала невестку Звягина.
- Сама принеси, – командовала старуха.

Похожая на ведьму, скорченная полиартритом, лупоглазая Косых точно знала, что надо делать. Свято верила, что вот он, Зяма, дорогу к Господу проложил, а Польшка, как про себя называла она Звягину, метаться еще долго будет. А если и чего похуже-то – впадет в тоску неизбывную и сгинет вслед за мужем-то. Смерть, чудилось ей, свой отпечаток оставила не на лице мертвого Зямы, а на Полинином почерневшем лице. Бросить смерти вызов Косых никогда не осмелилась бы – не ее это дело. Ее дело – соломку подкладывать да договариваться, если это возможно.

Полина Михайловна вернулась с рюмками, наполненными пшеном, по центру их были воткнуты свечи, по округлым восковым краям которых кое-где налипли желтые маленькие пшеничные шарики. Звягина протянула рюмки старухе, та заворчала:

- Чего ты мне их суешь? Я, что ли, жена? Ставь теперь.
- Куда? – выдавила из себя Полина.
- Ты, Поля, из себя дуру-то не строй, – заклекотала Косых. – Никак забыла, что говорено?

К иконам... к изголовью...

Звягина сделала круг по комнате, даже не догадываясь, что можно было переложить рюмку из одной руки в другую и легко поставить ее на нужное место. Расставив, вопросительно посмотрела на старуху.

- Чего смотришь-то? Зажигай.

И снова Полина остановилась в растерянности – спичек не было. Позвала было невестку, но снова вмешалась Косых, укоризненно выговаривая:

- Сама, Поля. Сама. Ты мужа провожаешь. Где у вас спички?

Звягина кивнула головой на кухню, где чем-то погромыхивала Ираида.

– Вот и возьми, моя хорошая, – вдруг подобрела Косых, и голос ее изменился. – Возьми и свечечки-то зажги.

Полина кругом обошла мужа, вошла в кухню и, уткнувшись в невесткину спину, попросила:

- Ира... Воды дай.

Увидев, что Звягина пьет воду жадными глотками, Косых довольно хмыкнула и громко спросила:

- А где Ольга-то ваша?

Ираида обмерла:

- Чья Ольга?

– Меченая... – не глядя на невестку Звягиных, уточнила старуха.

– Это ты зачем, тетя Маш, Ольгу мою вспомнила? – У Ираиды Семеновны посинели губы и екнуло сердце.

- Да вон она, – спокойно ответила Косых и ткнула пальцем в окно. – Она и малой твой...

Ираида подскочила к кухонному окну и увидела феерическое шествие нарядных кудрявых «лилипотов». Ветер трепал подол Ольгиного платья, и оно облипало ее плотные ноги почти до щиколотки. От этого казалось, что девочка борется с назойливой тканью, иначе зачем бы она несколько раз подтягивала непослушное полотнище к толстым коленкам.

Вовка двигался за сестрой тенью, над головной частью которой светился кудрявый белый нимб, не послушный ветру. Личико мальчика было скорбно-выжидающее, он крутил головой, пытаясь разглядеть во всякой мимо проходящей женщине так не вовремя исчезнувшую маму.

Дети еще издали увидели у бабушкиного дома столпившихся людей, часть из которых были черноплаточные женщины.

– У бабы гости? – спросил Вовка.

Оля не успела ему ответить, как из дома выбежала мать и бросилась в их сторону, отчаянно размахивая рукой. Девочка от неожиданности присела, ожидая традиционной в таком случае оплеухи. Инстинктивно она пыталась стать ниже ростом – может, не заметит. Ничего подобного, конечно же, не случилось. Ольгино счастье, что Вовка опередил мать и подбежал к ней раньше, чем та успела добраться до дочери.

– Ма-а-ама! – радостно заорал мальчик. – Ма-а-ама! Ты не уехала.

– Куда же я уеду-то, сыночка? Куда я от тебя уеду, мой родненький? – Ираида заразилась Вовкиными эмоциями. – Давай мама тебя обнимет. Моего мальчика. Ангел мой! Солнышко мое!

От такого напора материнской любви оторопела не только Ольга, но и сам Вовик. Обретя мать заново, он успокоился и разом устал от этих «телячьих нежностей».

– Ты зачем уехала? – строго спросил он не оправдавшую надежд мамашу.

– Куда, сыночка? – размазывая слезы по лицу, уточнила Ираида.

– Оля сказала... – в который раз сдал сестру Вовик.

– Ах, Ольга сказала... – поднялась с колен Ираида Семеновна.

Вовка, не глядя на мать, кивнул головой, а потом что есть силы заорал по направлению к дому:

– Де-еда! Во-о-ва при-и-ше-ол!

Ираида подскочила, как ошпаренная, и дернула сына за руку:

– Не ори! Нету деда!

– Уехал? – полюбопытствовал мальчик.

– Уехал. Уехал твой дедушка, – запричитала женщина.

– Куда? – продолжал допрос Вова.

– Совсем уехал, – не зная, что ответить, продолжала скулить Ираида.

В это время к дому старших Звягиных подъехал небольшой грузовичок, из кабины которого выскочил Степан. В кузове сидело еще двое. Откинув борт, один спрыгнул на землю, а другой крикнул ему: «Держи!» Степан бросился ему помогать, подали обитую красным сатином крышку гроба. Мужик обхватил ее своими огромными ручищами, потянул на себя и бросил Звягину:

– Не надо, я сам.

Крышку прислонили к забору, а к машине направилось несколько мужчин, прежде чего-то ожидающих во дворе. Приняли гроб – большой и основательный. Несли тяжело, перед калиткой опустили. Подождали какое-то время, потом внесли.

В толпе прошелестело:

– Чего через калитку-то? Неужто через ворота нельзя?

– Из ворот выносить будут... – раздался голос Марьи Косых. – А в дом человек через калитку входит, – не переставала она поучать собравшихся.

Вова, внимательно наблюдающий за происходящим, выглядел очень заинтересованным. В силу своего небольшого возраста он никогда раньше не видел ни гроба, ни похорон и, как все дети, верил в то, что будет жить вечно. Другое дело – Ольга. При виде гроба ее мелко затрясло, и она придвинулась к матери. Та зашипела ей в ухо:

– Ты зачем его привела-то, доча? Я ж сказала – дома сиди.

Видя, что Ольга не реагирует на ее слова, внимательно посмотрела на дочь. Девочка побледнела настолько, что даже злополучное пятно поменяло свой цвет с багрово-синего на бледно-фиолетовый. Лицезрение родовой отметины напомнило Ираиде Семеновне о Зиновии Петровиче, и она бездумно обронила:

– Эх, доча... Одна ты теперь такая осталась.

Услышав материнские слова, Ольга стремглав понеслась прочь. В противоположную от родных сторону. Прочь! Все равно куда – хоть на край леса, хоть на край света. Лишь бы не видеть этот дом, этот гроб. Девочка все поняла: и про черный платок на голове у матери, и про уехавшего деда, и про деловито говорящего отца. Даже бабка Косых... Ах, еще и бабка Косых. Поселковая ведьма! Просто так не придет.

Оля споткнулась и растянулась на пыльной дороге. Пыль взвилась, и за заборами зашлись от угрожающего лая собачьи сторожа. Взметнулись копошащиеся в дорожной пыли куры и сбились в кучу поближе к своему защитнику петуху – от греха подальше. Девочка встала на колени и обернулась назад – никто за ней не гнался, улица была пустой. Ольга поднялась, отряхнула платье, с сожалением посмотрела на посеревшие от пыли кружевные носки и вздохнула, припоминая их первозданную белизну. До родительского дома было рукой подать. К нему Оля и побрела, шаркая по дороге, отчего пыль взвивалась клубами, попадая даже в нос. Девочка чихнула и уперлась в знакомую калитку.

Вдали за деревьями белел разгуливающий на свободе Трифон. Ольга вошла во двор и направилась напрямик к бане. Села на скамеечку, по-старушечьи положила руки на колени и замерла. Гусак, заметив передвижения в саду, очевидно, ими заинтересовался и, влекомый любопытством, поковылял в сторону Оли. Остановилась птица где-то за метр от застывшей в печали девочки. Вытянула шею и тоже застыла.

– Дед умер, – сообщила Ольга Трифону.

Тот в ответ издал какой-то гортанный звук, отчего его длинная шея раздулась, и по ней словно прокатился какой-то ком.

– Там все, – продолжала Оля. – Мама, папа, Вовка, даже ведьма Косых. Гроб привезли. На машине. Большой.

Трифон внимательно смотрел на скупую роняющую слова девочку и беззвучно разевал клюв.

– Что молчишь? – обратилась к нему беглянка. – Одна я теперь осталась.

Ольга ткнула пальцем в уродливое пятно. Гусак, уловив жест хозяйки, сделал шаг назад и агрессивно задрал плоскую голову.

– Дурак ты, Трифон, – неожиданно произнесла девочка и поднялась со скамейки. – Дурак, он и есть дурак. Я ему рассказываю, рассказываю, а он молчит да молчит.

В этот момент Ольга как две капли воды напоминала свою мать. По-Ираидиному воткнув руки в бока, она набирала обороты и заводилась от звука собственного голоса:

– Молчишь? – наступала она на Трифона. – Молчишь?

Гусь попятился.

– Что ты можешь? – кричала Оля. – Ну что ты можешь? Король называется! Это ты-то король?!

Низложенный монарх трусливо развернулся и заковылял на перепончатых лапах к родному загону.

– Иди-иди! Коро-о-оль несчастный!

Трифон прибавил шаг. А Ольга еще какое-то время размахивала руками и отрывисто выкрикивала вслед гусаку. За этим делом ее и застала соседка, держащая за руку присмирившего Вовку.

– О-о-оль! – прокричала она, входя в калитку. – Ты чего шумишь? Напугал, что ли, кто? Вова поторопился ответить за сестру:

– Это Трифон.

– Какой еще Трифон? – не поняла Таня.

– Король... – пояснил мальчик.

– Кто-о-о? – изумилась соседка.

– Его ведьма заколдовала, – продолжал разбалтывать секрет Вова. – Теперь он на Ольке женится и человеком станет. А если не женится, то не станет. И Ольга нам не родная. Вот.

Сначала, слушая этот бред, Татьяна была готова поднять Вовку на смех, но увидев, с какой серьезностью тот излагает «семейную тайну», удержалась. События сегодняшнего дня изрядно утомили ее, ну а детей, думала она, тем более. Поэтому с такой готовностью откликнулась она на просьбу Ираиды отвести мальчика домой и присмотреть за ним. Это на случай, если старшей нет дома.

Все складывалось как нельзя кстати – Ольга была дома. Значит, задание выполнено, и вполне можно заняться делами гораздо более приятными, чем отдавание последнего долга усопшему. Татьяна свою подругу любила, хотя, между прочим, изрядно ей и завидовала. В соседкиной голове как-то не укладывалось: «Ну за что Ираиде такое счастье?!» И муж, и дети, и, наконец, свекор со свекровью – и те не как у людей! Зависть двум подругам общаться не мешала, но Ираида не раз замечала, как оживляется Татьяна в момент сообщения о каких-то проблемах и неприятностях семьи Звягиных и однозначно скучнеет, когда речь идет о событиях приятных во всех отношениях. Вот и сейчас соседка была как-то не траурно возбуждена и размышляла о собственной жизни с плохо скрываемым удовольствием. Правда, отдаться этому чувству полностью что-то мешало: то ли Вовка, несущий окоlesiцу про заколдованных принцев и принцесс, то ли еще кое-что.

Ольга, чья тронная речь завершилась благодаря неожиданному вторжению, вышла навстречу соседке и поздоровалась:

– Здравсте, тетя Тань.

– Привет, Ольга. Что у тебя случилось? Кричала как оглашенная, я подумала, может, испугалась чего? Тебя никто не обидел?

Татьяна видела девочку не первый раз в жизни и всякий раз ловила себя на мысли, что смотреть в лицо ребенку ей неприятно, ибо не получалось сосредоточить взгляд ни на чем другом, кроме как на этой ужасной родинке. Поэтому во избежание неловкости соседка предпочитала при разговоре с Ольгой смотреть куда-то поверх ее головы, а если возможно, то и не смотреть, и не встречаться, и не разговаривать.

Оля такое отношение чувствовала и поэтому неоднократно спрашивала Ираиду:

– Мам, а почему меня тетя Таня не любит?

– Да что это за ерунда! – всякий раз вскидывалась Ираида Семеновна и торопилась успокоить дочь: – Ну, с чего ты это взяла? Ну почему не любит?

– Я знаю... – роняла Ольга и отворачивалась.

Вот и сейчас Татьяна допрашивала соседскую девочку, не глядя той в лицо. Но сегодня все было иначе, чем всегда. Сквозь детское личико с огромным родимым пятном на носу проглядывало лицо покойного Зиновия Петровича Звягина, отчего соседке было неуютно и жутковато. «Господи, бедный ребенок!» – думала она, пытаясь подменить жалостью брезгливость, но это у нее плохо получалось. Дабы не вводить себя в очередное искушение, Татьяна попробовала осуществить все дела сразу:

– Слушай, Ольга. Мать сказала накормить вас и оставить у себя, если захотите. Не захотите – оставайтесь дома, только со двора ни ногой.

– Я не хочу есть, тетя Тань. Вовку вот накормите, а я его здесь подожду.

Воодушевленный отказом сестры, Вовик последовал ее примеру:

– Я тоже не буду.

– Ну конечно, – не сдавалась соседка. – Про то, что ты не будешь, мы знаем! Никуда ты, дорогой мой, не денешься. Раз мама сказала, значит, накормлю.

Надо сказать, что отказ Ольги Татьяну обрадовал, от этого женщине стало стыдно, и она решила компенсировать чувство невольной вины с помощью вверенного ей Вовки. Тот уперся и замотал головой:

– Не буду есть!

– Матери тогда скажу, – настаивала на своем соседка.

Такая радужная перспектива Вовку не устраивала, и он с мольбой посмотрел на сестру:

– А он сытый, тетя Тань, – пришла Ольга на выручку.

– Это отчего это он сытый? Он же не ест ничего!

– Ем, – пискнул Вова.

– Он ест, – подтвердила девочка. – Утром вот ел. Много. Целую сковородку...

– Желтков, – подсказал мальчик.

– Все желтки съел, – продолжала врать Оля. – И белки.

– И белки, – подтвердил Вовик.

– И теперь он, тетя Тань, есть не может, потому что его вырвет. Обязательно.

– Вырвет. Меня всегда вырывает, когда я ем.

Такая перспектива Татьяну не устраивала. Не обремененная детьми соседка с превеликим бы удовольствием покинула звягинский двор, но мешало обещание, данное Ираиде. Молодая женщина на всякий случай предприняла еще одну попытку:

– Может, попозже?

– Попозже его тоже может вырвать, – печально прокомментировала Ольга. – Он же больной. Разве вам мама ничего не говорила?

– Не говорила? – изо всех сил помогая сестре, удивился Вова.

– Не говорила, – растерянно подтвердила соседка.

– Вы, тетя Тань, не переживайте. Она вам скажет. Просто не успела, наверное. А Вовку можно и не кормить.

– Ну как же, Оль, не кормить?! Так ведь можно и с голода помереть.

– Не-е-ет, он не помрет, – засопровтивлялась девочка.

– Да-а-а, я не помру, – обещал Вовик. – Честно.

– А что я вашей матери скажу? – прибегла к последнему аргументу Татьяна.

– Скажите ей, что накормили.

– Чего удумали! Зачем это я свою подругу обманывать буду?

– Так вы не обманывайте, – посоветовала Ольга. – Просто скажите: «Вова пил чай».

– Я не пил чай! – возмутился мальчик.

– Он же и правда не пил чай, – поддержала его Татьяна.

– Дома попьет, – отрезала Оля и свирепо посмотрела на брата.

– Дома попью, – уверил Вовка соседку и вытащил из ее руки свою.

Татьяна настаивать не стала:

– Может, я тогда и правда пойду? – обратилась она к девочке. – Справитесь тут без меня?

Ольга утвердительно мотнула головой.

– В общем, если что – поесть там, попить... Милости прошу – всегда пожалуйста!

– Спасибо, тетя Тань. Мы уж тут сами.

– Сами, – подхватил Вовка и, уставший от разговора, побежал к дому.

Ольга плотно притворила за ушедшей соседкой калитку и направилась вслед за братом. Но в дом девочка не вошла, а села на крылечке лицом к улице. Вовка не выдержал внутреннего одиночества и примостился рядом с сестрой. Сидели молча, наблюдая за жизнью улицы. Обычно оживленная по субботам, сегодня она была пустынна. Вмещавшая в себя пять домов улица уводила к краю села, к кромке соснового леса, населенного, по словам заботливых матерей Коромысловки, лешими и прочей нечистой силой. Некоторых детей этот факт впечатлял настолько, что материнские заветы «не ходить», «не шляться», «не мотаться где попало» соблюдались неукоснительно. Иные, возрастом постарше, внимали словам взрослых, но искренно считали их «детскими сказками». Звягинские дети пока еще верили в таинствен-

ные истории об исчезновении своих братьев, поэтому предпочитали в конец улицы Матрoва не ходить и не испытывать судьбу. А вдруг?!

– Оль... – прошептал Вовка, – деда уехал.

– Никуда он не уехал, – торопливо возразила девочка. – Он умер.

– У-у-умер? – с уважением переспросил мальчик, подозревая, что это таинственное «умер» сродни «стал героем».

– У-у-умер, – с тоской передразнила брата Ольга.

– А зачем?

– Дурак ты, Вова. Умер просто, и все.

Значение слова «умер» Вове, похоже, не было понятным.

– Теперь будут хоронить, – продолжала Оля ликвидировать Вовкину безграмотность. –

В гробу.

– В гробу... – бездумно повторял мальчик.

– Потом в землю зароят.

– Зачем? – недоумевал Вовка.

– Ну как зачем? Всех зарывают, и его зароят.

Вова не знал, что сказать, поэтому решил перевести разговор на то, что доступно его детскому разумению.

– А мама придет?

– Придет.

– Когда?

– Не знаю.

– А папа?

– И папа.

Вова подумал какое-то время, а потом тревожно переспросил:

– А ты умрешь?

– Умру, – подтвердила Оля.

– А зачем?

– Все умирают.

– А когда умрешь?

– Через сто лет.

– А я?

– И ты, – поторопилась уверить брата Ольга.

– А когда?

– Тоже через сто лет.

– И мама?

– И мама.

– И папа? – не поверил Вовка.

– И папа, и мама, и я, и ты, Вовик. Все мы умрем, и нас похоронят.

От нахлынувшей непонятности и неизвестности мальчику стало страшно, он теснее прижался к сестре и вроде бы на всякий случай тревожно спросил:

– И Три-и-ифон?

Ольга не удостоила брата ответом и встала. Тот – следом за сестрой. Вошла в дом. Разулась – пол был приятно прохладным, и девочка с удовольствием ступала по нему ногами в грязных кружевных носках. Вова, не понимая, что происходит, решил повторять за сестрой каждое ее действие – так было надежнее, поэтому сел прямо на пол и с остервенением стянул с себя сандалики.

Ольга начала хозяйничать в кухне. Для пущего блезира девочка нацепила на себя материнский фартук и скомандовала:

– Будем обедать.

Обедать было нечем. В хлебнице томился вспотевший в целлофане обрубок батона и пара состарившихся бубликов. Ольга извлекла несимпатичную еду наружу и предупредила:

– Все что есть.

– А блины? – с надеждой спросил Вова.

– Блинов нет.

– А ты сделай.

Задача перед Олей была поставлена чрезвычайно трудная, и девочка раздумывала, приступить к ее решению или все-таки настоять на первом варианте. Ольга неоднократно наблюдала за процессом приготовления блинов и оладьев в Ираидином исполнении, на первый взгляд, в нем не было ничего сложного, за исключением пропорций. Местонахождение муки новоиспеченной поварихе было хорошо известно, отсутствовало молоко и яйца. И то, и другое можно было занять у соседки. Именно так и поступала Ираида, когда обнаруживалась недостача какого-то из ингредиентов. Именно так решила поступить ее «неродная» дочь.

– Молока нет, – сообщила она брату. – И яиц тоже нету. Надо к тетя Тане идти.

– Иди, – порекомендовал ей Вовик.

– Сам иди, – получил он встречные рекомендации.

– Не пойду я, – заартачился мальчик.

– Тогда блинов не будет, – пригрозила ему Ольга, доставшая из плиты чугунную засаленную сковородку.

Вовка забрался с ногами на стул и отвернулся от сестры в противоположную сторону. Торчали коленки, торчали непослушные кудри, тонкими ручками-спичечками мальчик обхватил себя за плечи и всем своим видом демонстрировал обиду. Ольга подошла к нему и ткнула брата в узкую спинку:

– Не... будет... блинов...

Вовик молчал.

– Не... будет... блинов.

– Значит, я умру? – неожиданно спросил Вовка, и губки его мелко-мелко задрожали.

Ольга опешила. Перед глазами ее предстала ужасающая в своей реальности картина: в узеньком, как пенал, гробу лежал Вова Звягин, одетый в черные шорты и белую футболку. При более близком рассмотрении становилось ясно, что никакой это не Вова, а просто обтянутый кожей скелет, отчего и ножки-палочки и ручки-спичечки казались лакированными и призывно блестели. Сама Оля, так видела девочка, стояла в головах деревянного пенала и строго молчала, поскольку знала, что послужило истинной причиной преждевременной Вовиной кончины.

– Не реви, Вовка. Не умрешь ты!

– А ты?

– И я.

– А мама?

– И мама, и папа!

– И Трифон? – достраивал свою благополучную картину мира Вова.

– И Трифон, – с готовностью подтвердила Оля и полезла за мукой.

Конечно, Ольгиного мастерства не хватило для того, чтобы из жидкого клейстера с окаменевшими комочками явились миру кружевные блины, столь почитаемые ее младшим братом. Со сковородки со звоном соскребался полусырой слой ржавого от пригоревшего масла теста и с размаху бухался на тарелку. Сахара в нем было такое количество, что Вова с удовольствием съел бы эту жижу в первозданном виде, но кто бы ему это позволил? В очередной раз потерпев неудачу на ниве блинопечения, Ольга успокаивала себя известным выражением «первый блин комом». Всякий раз Вовка напоминал номер захода и подбадривал сестру добродетельным «и второй – третий, четвертый, пятый – тоже комом». Оля не обижалась и обе-

щала в конце концов хороший результат. Хорошего результата не получилось, но тем не менее тарелка не успевала заполняться блинными заготовками – Вова в ожидании целого изделия съедал их все.

– Мне-то оставь! – строго приказала ему Оля.

– А мама блины не ест, – сообщал ей хорошо подкованный в вопросах потребления Вовка.

– Ну я-то ем!

– На, – отодвинул от себя тарелку мальчик. – Больше не могу!

Клейстера в кастрюле оставалось еще предостаточно – Оля явно была не в ладу с порциями. Процесс блинопечения ее явно утомил. «На завтра? – размышляла девочка. – Или гусям отдать?» Второе ей нравилось больше: «В хозяйстве все сгодится», – вспоминала она часто звучавшую фразу. Еще Ираида любила поговаривать: «Лучше в нас, чем в таз», но почему-то сама этому положению не следовала, а остатки недоеденного ужина (завтрака или обеда) сваливала в гусиное корыто. Ольга решила последовать материнскому примеру и взялась за кастрюлю с хозяйским энтузиазмом:

– Пойдем Трифона кормить, – сообщила она довольному и сытому брату.

Дважды Вовку просить не пришлось, он стремглав понесся к загону, причем босой. Около забора Вовиной прыти поубавилось – мальчик услужливо распахнул калитку перед чинно шествующей сестрой с кастрюлей в обнимку.

А вечером Вовика отчаянно рвало, и бурый фонтанчик громко звенел, стучаясь о стенки цинкового ведра. Ольгу тоже мутило, но сказать уставшей матери об этом она не решилась, подозревая, что получит нагоняй за поварскую самостоятельность. Девочка молча лежала и уговаривала себя не обращать внимания на тошноту. И это ей удавалось, потому что сильно болел живот. Болел до тех пор, пока она не спустилась в туалет, где провела достаточное количество времени. Баланс в организме был восстановлен, и умиротворенная Ольга вернулась в спальню, где обливающийся слезами Вовка честно рассказывал матери о том, что он ел на обед и на ужин. Час расплаты близился!

«Убьет!» – подозревала Ольга, изображая неожиданно нагрянувший крепкий сон. Так в лицедействе и уснула. Искренно впал в забытие уставший от многократных содроганий Вовка, рядом прилегла Ираида. Лежала и прислушивалась к детскому дыханию до тех пор, пока не задремала сама. В чутком сне ей являлись огрубевший от горя Степан, застывшая восковая Полина Михайловна, вытянувшийся в струнку покойный свекор и грозящая пальцем бабка Косых. Старуха недобро смотрела из-под надвинутого на самые брови черного платка и злобно шипела: «Тип-пун тебе...» Ираида Семеновна в собственном сне пятилась под взглядом Марьи Косых к двери и шагала задом через порог, за которым вилась череда ступенек. Больше всего на свете Ираиде хотелось повернуться спиной к суровой старухе, но какая-то неведомая сила не позволяла ей это сделать. Так и пятилась она спиной, не отрывая взгляда от бабки Косых. «Надо молитву прочитать», – думала во сне мать двоих детей, но слова не шли в голову, и вместо привычных фраз раздавалось мычание. «Крестись, Ираида!» – слышала она голос мужа и пыталась осенить себя крестным знаменем. Не поднималась рука, и последнее, что Ираида запомнила из своего сна, – это ощущение полной беспомощности перед лицом надвигающегося кошмара.

Стон Вовки стал сигналом высвобождения из липких пут ужаса. Ираида Семеновна потом еще долго таращила глаза в темноте, чтобы понять, где она. От неудобной позы онемело тело, но Ираида и не собиралась отправляться в супружескую спальню. Ей было страшно окатиться в постели одной, а еще страшнее – заснуть. Женщина встала и включила ночник. Потом задернула шторы. Стало как-то повеселее.

В полумраке комнаты творился полный беспорядок: пятнами на полу белели брошенные Ольгой кружевные носки, пестрой занавеской выглядело скинутое на спинку стула жеваное

ситцевое платье, на дверной ручке уютно расположились Вовкины шорты на пару с покрытой бурыми пятнами футболкой. Посредине комнаты стояло цинковое ведро, источающее отвратительный тлетворный запах. «Надо бы вылить», – подумала Ираида, но с кровати не встала. Безудержно клонило к подушке, в голове звенело, веки тяжелели – женщина погрузилась в сон. На этот раз без видений.

Вынырнула из него под утро, взгляд наткнулся на горящий, но уже бесполезный по причине рассвета ночник. «Еще пять минут», – подумала Ираида и что есть силы зажмурила глаза. Пять минут давно миновали, а Ираида Семеновна так и не нашла в себе мужества, чтобы подняться. «Куда мне торопиться? – размышляла она. – Туда – успею».

Туда как раз и не хотелось: дома было хотя и пустовато без Степана, зато привычно. А там – тоскливо. К тому же дети. Вчера весь день провели без матери – и вот что из этого вышло. Теперь то, что вышло, покоилось в жестяном ведре и призывало Ираиду к решительным действиям. Женщина нехотя поднялась с кровати, еле сдерживая стон – до чего затекло все тело!

Потянулась раз. Потянулась второй и почувствовала, что бесконечно приятно ощущать живым и плотным собственное тело. Вытянула руки, минуту постояла, поднесла их к лицу и обрадовалась – живая! «Живая!» – про себя ликовала Ираида. «Живая!» – стучало сердце. «Живая!» – пела истомившаяся за вчерашний день ее душа. Ощувив со всей полнотой радость от встречи с самой собой, женщина суеверно насупилась, чтобы не вспугнуть столь не вовремя нахлынувшее счастье, и засуетилась. Задернула шторы, чтобы продлить детский сон, подхватила зловонное ведро и вышла из комнаты. Дома кто-то был.

– Степа? – безошибочно определила Ираида.

– Тише! – шикнул снизу супруг и начал подниматься навстречу жене. – Ты чего это с ведром? – изумился Степан.

– Зато с полным, – как-то криво улыбнулась Ираида.

Муж не оценил нечаянного юмора и сердито уточнил:

– Туалета, что ли, нет в доме?

– Посмотрела бы я на тебя, как ты блюющего Вовку тащил бы со второго этажа в туалет, – огрызнулась Ираида.

– А что с ним? – встревожился отец. – Заболел, что ли?

– Сырого теста объелся. Ольга блины пекла.

– А Татьяна твоя что делала? Ты ж ее вчера посмотреть за ними просила.

– Просить-то просила. Да не выпросила. Пусти-ка, Степа, вылить надо, а то вонь на весь дом.

Звягин посторонился, но ведра взять не догадался, а только задумчиво посмотрел вслед жене.

Десятью минутами позже супруги сидели на кухне и вполголоса обсуждали перспективы сегодняшнего дня. Ираиде очень хотелось расспросить Степана, как там? Как Полина? Как провели ночь? Но она волевым усилием подавила собственное любопытство и решительно перешла, как ей казалось, к самому главному:

– Есть будешь?

– Поел бы чего-нибудь, Ирка, – виновато согласился Степан.

Ираида Семеновна с обычной для себя решительностью распахнула дверцу холодильника и тут же вернула ее в прежнее положение:

– А нету, Степа, ничего. Я ж вчера не готовила. Разве только к Татьяне сбегая?

– Куда-а-а?! – преградил ей дорогу Звягин. – На часы-то посмотри.

– А что на них смотреть-то? – отмахнулась Ираида и метнулась из кухни.

На часах было ровно 6.30. Но ради мужа она с легкостью преодолевала любые светские приличия. На то ведь она и дружба, чтоб в любое время дня и ночи и в любой день недели. В это

воскресенье Татьяна думала совершенно иначе, поэтому, услышав стук в окно на фоне отсутствующего лая, сразу поняла – «кто-то свой». «Кто-то свой» в это воскресное утро мог носить одно-единственное имя. И это имя звучало так: «Какой черт принес Ирку в такую рань?» Обладательница столь длинного наименования объявила о своем приходе, постучав в окно супружеской спальни. Уж в чем-чем, а в этом Ираида разбиралась! Стук становился все отчетливее и звонче. «Сейчас эта сумасшедшая окно расколотит!» – не на шутку рассердилась Татьяна, поднялась с кровати и, отогнув занавеску, выглянула в окно. Так и есть – Ирка!

Звягина отчаянно жестикулировала, раскрасневшись от нетерпения.

– Куда ты? – пробурчал спросонья Татьянин муж.

– Спи давай, – прошипела женщина в ответ и на цыпочках вышла из комнаты.

Пока Татьяна шла к входной двери, Ираида стремительно огибала дом. Столкнулись на крыльце. Заспанная Татьяна с трудом сдерживала вскипавшее в ней раздражение:

– Что случилось? Опять умер, что ли, кто?

– Ты что-о-о?

– Ну а тогда что-о-о? – не выдержала Татьяна.

– Да ничего. Яиц дашь?

– Я-и-и-иц? – задохнулась от негодования Татьяна. – Это ты меня ради яиц в такую рань подняла, что ли?

– Да какая рань-то?

– Ир, воскресенье вообще-то...

– Тань, ты не сердись, – виновато произнесла Ираида. – Степа пришел утром, надо бы накормить, а у меня – шаром покати. Я ж не готовила вчера, ты знаешь. Весь день у свекрови пробыла, не до того было. Вовка вот... Полночи рыгал.

– А с Вовкой-то что?

– Да не знаю. Ольга блины вроде пекла.

– Ох уж твоя Ольга. Ну что за девка! Вчера звала-звала. Не пошла. Сами, мол.

– Да знаю я. Чего теперь говорить, вроде обошлось.

– Ну, обошлось и обошлось.

– Тань, может, яиц дашь? Пяток.

Татьяна не удостоила ответом – растворилась в глубине дома. Ираиду не пригласила, и та стояла на крыльце, не зная, куда деть себя. Ждать долго не пришлось. Татьяна появилась с эмалированной миской в руках, доверху наполненной яйцами. Под мышкой у закадычной подруги торчал целлофановый пакет, изнутри покрытый жирными бляшками.

– Это что? – Ираида ткнула в сверток.

– Мясо. Из борща. Корми иди мужика.

– Ой, Тань, спасибо. Выручила, – засуетилась Ираида Семеновна.

– Да ладно, – зевнула Татьяна и вручила подруге гуманитарную помощь. – Ты смотри, может, еще что надо? Только сразу говори, пока не легла.

– Нет, не надо ничего. Хватит. Ему ж только перехватить. А я сготовлю. Не успела просто, – в очередной раз начала оправдываться Ираида.

Татьяне, очевидно, не хотелось выслушивать объяснения подруги по второму разу, поэтому она нарочито зевнула, даже не прикрывая рта. Но на это Ираида даже не обратила внимания, ей было не до того. Поставленная цель оказалась достигнута. Дома ее ждал Степан, и впереди была еще масса дел, выполнение которых обеспечивало главное – возможность находиться дома. Далеко от пронзительной скорби свекрови, от мертвого свекра, занавешенных зеркал и дотошных соседей.

Мысль о трагических событиях вчерашнего дня придала сегодняшнему утру какую-то неповторимую пронзительность, Ираида вздохнула полной грудью, махнула рукой подруге и быстрыми шагами направилась к калитке. Не дойдя, обернулась:

– Та-ань! Вынос завтра в двенадцать. Приходи.

Сказала Ираида Семеновна на пару секунд раньше, чем поняла, что на крыльце никого нет. Вернуться не решилась. Закричать, чтобы снова поднять подругу с постели, тоже. Внутри заворчал раздражение: «Минуты не подождет!»

При входе в свой дом градус раздражения стал на пару единиц выше – за кухонным столом вместо оставленного Степана сидело двое: на коленях у мужа расположился Вовка, спростонья похожий на китайца.

– Ты чего не спишь? – набросилась Ираида на мальчика. – Рань такая!

Звягину ничуть не смущало, что ровно пять минут назад в разговоре с подругой она придерживалась противоположной точки зрения.

– Не хочу-у-у, – капризно протянул Вовка, выворачивая припухшие со вчерашнего губы.

– Что еще за не хочу!

– Я пить хочу, – продолжал ныть мальчик.

Ираида стремительно подошла к плите, резким движением схватила вскипевший чайник и плеснула в бокал. Выставила перед сыном, громко стукнув о стол:

– Пей.

Над бокалом клубился пар.

– Горячо.

– Просил? Пей!

Степан неодобрительно посмотрел на жену и спустил сына с колен на пол.

– Давай, Вовка, поднимайся наверх – я воду принесу.

– Все равно я спать не буду, – заявил мальчик.

– Не спи, – согласился отец. – Просто полежи, пока мы здесь с мамой поговорим.

– А мне почему нельзя? – изо всех сил сопротивлялся Вовик. – Я все знаю: Ольга нам не родная, она – принцесса, Трифон – король, деда умер, его в землю закопают.

Супруги переглянулись. Ираида хотела было открыть рот, но, увидев выражение Степана лица, осеклась.

– Конечно, ты все знаешь, – продолжал обрабатывать сына отец. – Но когда один мужчина разговаривает с женщиной, другой дает ему такую возможность. Если он, конечно, настоящий мужик. Ты настоящий мужик, Вовка?

– Я настоящий! – приосанился ребенок. – Но это не женщина.

– А кто же это?

– Это не женщина, это мама. А я настоящий мужик. Я даю возможность.

– Вот и молодец, – масляным голосом похвалил сына Степан и легко подтолкнул к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Спать не буду! – пригрозил Вовка, но отцовскую волю выполнил.

Степан встал из-за стола, подошел к окну, ткнулся лбом в стекло и чуть слышно проговорил:

– Ты чего, Ирка, на него взъелась?

Ираида не нашлась чего ответить мужу, поэтому просто буркнула под нос:

– Ничего.

Подошла к Степану, прижалась. Тот не повернулся – стояли молча, склеившись.

– Степ, – прошептала она ему в спину. – Степа...

Звягин не отвечал. Постояли еще какое-то время. Снова молча. Сверху раздалось шлепанье босых ног:

– Папа! Ты идешь?

Степан высвободился, обошел застывшую Ираиду, взял бокал и вышел из кухни. Вовка сидел на ступеньках в ожидании отца и ерзал от нетерпения:

– А когда деду зароят? – задал он мучивший его вопрос.

– Завтра, – ответил Звягин и с усилием проглотил ком в горле. – Пить будешь?

– Не буду.

– Ну и не пей, – согласился Степан и сделал глоток.

Вода была теплая и отдавала накипью. Звягин присел ступенькой ниже. Вовка вытянул ноги и уперся ими в отцовскую спину. Спина была крепкая и надежная. Мальчик вдавил ножки еще сильнее, проверяя ее на прочность:

– Ольга сказала, я буду жить сто лет.

– Правильно Ольга сказала, – подтвердил отец.

– И ты, и мама, и она. И Трифон.

– Ну, Трифон-то точно сто лет, – грустно улыбнулся Степан.

Вовкины ноги ослабили давление на отцовскую спину, отчего спине Звягина стало неприятно холодно. Мальчик сполз на занятую отцом ступеньку и по-взрослому нахмурился. Его так же, как и Степана, мучило это неизвестное завтра.

Завтракали в молчании. Ираида не сводила с мужа глаз, отчего у него застревал кусок в горле. Вовка от яичницы отказался и все время поглядывал в сторону сахарницы, предусмотрительно отодвинутой матерью на другой край стола. Все попытки мальчика приблизить к себе вожаемый объект заканчивались для него полной неудачей – Ираида Семеновна легко их пресекала. И тогда Вовик делал вид, что его совершенно не интересует, какое количество сахара находится «в этой дурацкой сахарнице» с выпуклыми березовыми сережками вместо ручек. Ираида тогда переводила взгляд на мужа, и Вовка снова предпринимал очередную попытку. Наконец мать не выдержала и возмутилась:

– Шесть ложек сахара! У тебя не слипнется?

– У меня – нет, – невозмутимо ответил Вова.

– Будешь много класть сахара в чай, – пригрозила Ираида, – станешь сладким, липким, и тебя пчелы закусуют.

– Ну деду же не кусали! – справедливо заметил мальчик.

Степан с опаской посмотрел на жену, предполагая, что та за ответом не постоит и ляпнет, что, мол, наконец и закусили. До смерти. Что Ираида и сделала с такой скоростью реагирования, что Степану после бессонной ночи было просто за ней не угнаться:

– Не кусали, не кусали, а теперь вот закусили. До смерти.

Вовик вздрогнул всем своим маломощным тельцем и беспомощно посмотрел на отца. Степан, не отрывая тяжелого взгляда от Ираиды, процедил сквозь зубы:

– Шутит мама. Просто так пчелы не кусают. Не до того им, Вовка.

– Спелись, что ли? – рассердилась Ираида. – Ты вот уйдешь сейчас, а мне тут с ними оставайся.

– Не оставайся, – заскрежетал зубами Звягин. – Бери детей, и пошли.

– Это еще зачем? – выступила Ираида Семеновна.

– Чтоб жизнь тебе, Ирка, медом не казалась. Тебе ж всегда тяжелее, чем другим.

Степан поднялся. Смотрел по-прежнему исподлобья, набычившись. Не то хотел он слышать сейчас от своей взбалмошной жены. А с другой стороны, что с ней поделаешь? Ирка как Ирка. Пора было собираться. Делал это Звягин неторопливо, словно взвешивая каждый шаг. Долго натягивал носки, Ираида подавала темную рубашку – долго застегивал пуговицы. Жена было потянулась помочь – жестом остановил. Зачем-то чистил Степан обувь, смотрелся в зеркало, приглаживал свои непослушные кудри, пытаясь побороть их разухабистость. Рядом крутился Вовка, и мать его не гнала, не одергивала. Мальчик норовил подставить под отцовскую щетку с сапожным кремом свои стоптанные сандалии, заглядывал в зеркало, повторяя за Степаном все движения, словно маленькая обезьянка. Наконец-то, в точности копируя отца, двумя ладонями провел по футболке, натянул почти к самой груди свои покрытые зацепками трикотажные шорты и по-деловому произнес, глядя исключительно в глаза отцу:

– Я с тобой.

Ираида наблюдала за происходящим и нарочито не вмешивалась: внутри ее плескалось чувство несправедливости, и ей хотелось сатисфакции. Вот она и наступила. Пусть теперь Степа «узнает на своей шкуре, каково ей с этими детьми! Посмотрю, как ты выкрутишься! А то чтоб жизнь мне медом не казалась!..». Ираида Семеновна ждала того момента, когда растерянный муж, не зная, как выкрутиться из этого положения, призовет ее на помощь. Ну, на худой конец, скажет, что мама не разрешает. Но Звягин пошел своим путем:

– Нельзя, Вовка, со мной. Кто ж в доме за мужчину останется?

– Мама, – спокойно предложил мальчик.

– Так не бывает, сын. Она ж толком калитку закрывать не умеет. Заходи на двор, кто хочет. Еще хуже – пойдет птицу кормить, а загон прикрыть забудет. Опять гуси разбегутся. Не дай бог, Трифон под машину попадет. Одним словом, Вовик, за ними глаз да глаз нужен. Пойдем, калитку за мной закроешь.

Больше уговаривать мальчика не пришлось. Из какого-то угла он вытащил пластиковый меч и всунул его в шорты. Степан протянул сыну руку, тот гордо отказался. «Не до нежностей теперь. Сегодня, когда на мне такая ответственность». Вышли вместе: шаг в шаг. Простились за руку – по-мужски. Вовка закрыл калитку и на всякий случай обежал вокруг дома, проверяя уровень надвинувшейся на семью Звягиных угрозы. Пока все было тихо и спокойно. Рубежи вверенной Вовке малой родины были в полной безопасности. По такому случаю мальчик сам снял себя с боевого поста и помчался к дому руководить женским подразделением.

А в нем на текущий момент процветала дедовщина. Ольга стояла перед матерью навывтяжку и кусала свои полные губы.

– Заче-е-ем? – вела допрос Ираида. – Зачем? Я тебя спрашиваю.

– Он сам меня попросил, я не хотела.

– А башка тебе для чего дана? Ну для чего-то тебе башка дана?

Оля виновато молчала.

– Ну какая ты мне помощница? – продолжала наскокивать на дочь Ираида Семеновна. – Ни тебе сготовить! Ни тебе за братом посмотреть! На кого положиться? На кого, господи, мне положиться в этом сумасшедшем доме?

– На меня! – воскликнул дневальный, чем вызвал прилив материнской «нежности».

– На кого-о-о?!

– На меня, – еще раз обнадеживающе предложил Вовка, а Ольга в этот момент, не удержавшись, хмыкнула.

Такая вольность в подразделении под командованием Ираиды Семеновны Звягиной не просто не приветствовалась, а строго наказывалась. Сегодняшний прецедент в кухне не стал исключением: Ираида схватила висящее на спинке стула кухонное полотенце и треснула Ольгу со всей силы.

– Не на-а-адо! – заорал Вовка и бросился к матери.

Ираида оторопела, но вовремя сориентировалась на местности:

– Я тебе дам «не на-а-адо»! Я тебе дам сейчас! Тоже мне защитник нашелся! «Не на-а-адо!»

Одним словом, защитнику тоже досталось по первое число, и чтобы не получить еще и по второе, Вовик стремглав вылетел из дома под истошные материнские вопли:

– В баню запру! Обоих! Довели!

Чем уж так довели дети Ираиду, было не совсем понятно, но Ольга решила достоинства все же не терять, поэтому удалилась нарочито медленно и с гордо поднятой головой. Такого грандиозного исхода Ираида пережить не смогла и зло заплакала:

– Что за девка, господи! Что это за девка?! За что ж она меня так ненавидит? За что? Что я сделала? – причитала Звягина. – Родила, растила, ночей не спала. И что в ответ? Глаза

выпучит... Ноздри раздуваются... Ой, не зря на ней эта отметина! Не зря! Ведь говорили мне бабы – не к добру оно, это пятно. А то: «В деда! В деда!» Точно в деда – и уйти-то по-человечески не смог! Раз – и посреди жизни помер. И Ольга вся в него: несуразная, себе на уме. Никогда не знаешь, что от нее ждать! Вот точно – меченая!

А меченая в это время вместе с братом подпирала плетень у загона гусями и плела свое затейливое кружево слов:

– Вот видишь, – обращалась она к Вовке. – Я ж говорила, что вам не родная. Я ж говорила? – в который раз переспрашивала девочка брата с надрывом.

– Говорила, – соглашался мальчик и внимательно рассматривал, как по оббитому носу его сандалика ползет какая-то невзрачная букашка.

– Во-о-о-от! – с садистским наслаждением тянула Ольга. – А раз я не родная вам, то она меня не любит. Тебя любит, жалеет, а меня нет. И бьет...

– Меня тоже бьет, – безнадежно прошептал Вовик, наверное, из солидарности.

Оля с интересом посмотрела на брата и выдвинула предположение:

– Слушай, а может, ты тоже не родной им?

– Я-а-а? – задохнулся от страшного вопроса мальчик.

– Ты-ы-ы! Вот подумай: если ребенок родной – его любят. А если любят – то не бьют и в бане не запирают, и не обзываются.

– Не обзываются... – подтвердил Вовка.

– Значит, – торжественно произнесла Оля, – ты тоже! Совсем... Им... Не... родной.

– Ду-у-ра! – заорал мальчик. – Ду-у-ра! Уродина! Я родной! Родной...

Ольга удовлетворенно посмотрела на плоды своей аналитической деятельности и торжественно повторила:

– Не... род... ной!

Вовка от безысходности надрал полные пригоршни пожухлой травы и с наслаждением швырнул их в сестру. Обсыпанная с ног до головы кудрявая бестия с наслаждением прошипела:

– А ты забыл, придурок, что Трифону обещал? Вот теперь точно гусем станешь!

Из-за забора донесся гогот гусака, и Вова, не выдержав нахлынувшего ужаса, обратился в орган опеки без соответствующего письменного заявления.

– Мама! Мамочка! – истошно вопил мальчик. – Мамулечка моя! Убей эту дуру! Отдай ее назад! Я родной! Ма-а-ама!

Ираида, услышав трубный рев сына, оторвалась от стряпни и выскочила во двор.

Увидев встревоженную мамашу, Вовка бросился, воткнулся в материнский живот, прирос к нему всем своим детским телом и, захлебываясь рыданиями, призвал женщину к ответу:

– Она говорит... Она говорит, – в десятый раз пытался он произнести эту страшную фразу.

Ираида терпеливо ждала.

– Она говорит... – продолжал выплевывать слова мальчик.

– Да что она говорит? – устала ждать женщина и, чтобы ускорить процесс, оторвала Вовку от своего многострадального живота.

Сын, отставленный ровно на расстояние вытянутой руки, запрокинул голову и тоненько заскулил:

– Она... Ольга... Говорит, что я не родной... не-е-е... род-но-ой...

– Како-о-ой? – уточнила Ираида, не отрывая своего пронзительного взгляда от зареванного лица мальчика.

– Не-е-е родно-о-ой...

– Это, значит, Ольга тебе так говорит? – не веря своим ушам, переспросила Звягина.

Ираида нагнулась к сыну, сгребла зареванного сироту в охапку и тревожно спросила:

– И ты поверил?

Вовка в изнеможении отрицательно покачал головой. Но оскорбленная мать словно не увидела этого движения и переспросила:

– И ты, значит, Вовка, поверил? Поверил, значит?

Мальчик старательно замотал головой из стороны в сторону.

– А как же, сыночек, ты позабыл, как у меня девять месяцев в животе был? – коварно переспросила Ираида.

Этого Вовик не помнил, поэтому посмотрел на материнский фартук с определенным недоумением. И на всякий случай виновато пожал плечами и скорчил подобающую моменту рожу. Нет! Хоть убей! Не помню!

– А может, ты, Вова, забыл и как я с тобой до трех лет ночами не спала? И как грудью тебя кормила? И в голую твою попу целовала?

Мальчику стало пронзительно стыдно за нахлынувшее беспамятство, и он снова уткнулся в Ираидин живот. Та прижала сына к себе и скорбно произнесла:

– Неблагодарный ты, Вовик, человек! Не-бла-го-дар-ный и злой... Родной мамочке такое сказать! Господи! Что у меня за сын, – со слезами в голосе возопила Ираида Семеновна. – Чем я перед тобой провинилась, Господи, что родные дети меня за мать не считают?! – выкрикнула в небо оскорбленная женщина.

Не дождавшись ответа, Звягина перевела взгляд на сыновнюю голову, подняла зареванное лицо сына и строго спросила:

– Твоя фамилия как?

– Звягин, – пискнул Вова.

– А у отца твоего какая?

– Звягин, – уже без отчаяния в голосе произнес мальчик.

– А моя?

– Звягина! – торжествующе выкрикнул Вовик и обнял мать со всей силою вновь обретенного родства.

– Так вот иди теперь, Вова Звягин, по своим делам и сестре своей передай, чтоб на глаза не попадалась. Увижу – убью.

Восстановленный в сыновних правах Вовка расправил руки-крылья и полетел навстречу сестре, благоразумно схоронившейся в зарослях лопухов около загона с гусями. Ольга не случайно выбрала это место: лопухи зеленой стеной закрывали ее от материнских глаз, а заодно и от солнца. Опять же – к калитке близко. Это уже на случай вынужденного бегства от рассвирепевшего противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.